

Дмитрий ИЛОВАЙСКИЙ

НЕВЗДОМЯЯ
РУСЬ

НАЧАЛО РУСИ



Неведомая Русь

Дмитрий Иловайский

Начало Руси

«ВЕЧЕ»

2015

Иловайский Д. И.

Начало Руси / Д. И. Иловайский — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4444-7950-6

Вниманию читателей предлагается первая часть классического труда известного русского историка и публициста, автора учебников по всеобщей и русской истории – Дмитрия Ивановича Иловайского (1832–1920). В своей книге, вышедшей в 1882 г. под названием «Разыскание о начале Руси. Вместо введения в русскую историю», Иловайский выступает решительным противником норманнской теории, ставит под сомнение достоверность русских летописей, доказывает, что в них отражены интересы и настроения киевских князей. Историк был смел и бескомпромиссен в решении сложнейших вопросов истории и политики. К сожалению, в советское время многие труды Иловайского были забыты. В публикуемой первой части книги историка во всей полноте рассматривается так называемый норманнский вопрос и происхождение болгар.

ISBN 978-5-4444-7950-6

© Иловайский Д. И., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

О мнимом призвании варягов[1]	6
I. Норманисты и их противники. Невероятность призвания	7
II. Договоры с греками. Известия византийцев	12
III. Личные имена. Известия арабов	21
IV. Известия западные. Угорская Русь. Греческий путь	26
V. Новгородский оттенок легенды о призвании князей	32
VI. Русь Азовско-Черноморская. Параллельные легенды о призвании других народов	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дмитрий Иванович Иловайский

Начало Руси

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

О мнимом призвании варягов¹

Вот вопрос, о котором так много было писано и говорено, что, казалось, он вполне исчерпан и трудно сказать еще что-нибудь, чего не было сказано. И тем не менее этот старый вопрос все-таки остается новым. Напрасно Скандинавская школа считает его вполне решенным. Чтобы помириться с ее решением, надобно постоянно заглушать в себе сомнения и противоречия, возникающие при всяком сколько-нибудь внимательном отношении к делу. Не вдруг, не под влиянием какого-либо увлечения мы пришли к отрицанию ее системы. Только убедившись в ее полной несостоятельности, решаемся предложить некоторые результаты из своего знакомства с литературой этого вопроса, а также из собственных наблюдений и размышлений. Выступая против Скандинавской школы, как господствующей до сих пор в нашей историографии, мы принуждены иногда прибегать к приемам полемическим. Но в настоящем отрывке ограничиваемся собственно борьбой с тем или другим мнением, а не с лицами, то есть не с тою или другою книгой. Представители норманнской школы оказали столько заслуг науке русской истории, что, и помимо вопроса о призвании варягов, они сохраняют свои права на глубокое уважение. Точно так же отрицать некоторые сказания из начальных страниц русских летописей еще не значит отрицать значение самих летописей: без них что было бы с нашей историей? В самом данном вопросе норманнская школа чрезвычайно много способствовала его разъяснению, хотя бы и в отрицательном смысле. Не она придумала сказание о призвании варягов; она взяла его уже готовым и употребила все научные средства для того, чтобы возвести это сказание в исторический факт. Если и после того остаются непримиримые противоречия, исходящие от фактов несомненных, стало быть, призвание варягов никоим образом не может получить догматического характера и надобно обратиться в другую сторону, чтобы выяснить начало Русского государства и русской национальности.

¹ При подготовке книги Д.И. Иловайского издательство посчитало возможным сохранить стилистику, орфографию и оформление основного текста и примечаний первого издания.

I. Норманисты и их противники. Невероятность призвания

Приведем столь известные слова русской Начальной летописи под 862 годом:

«Реша сами к себе: “поищем собе князя иже бы володел нами и судил по праву”. Идоша за море к варягам к руси; сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся Свое, дружие же урмане, англяне, дружие гьте, тако и си. Реша руси чюдь, словени и кривичи: “вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет: да пойдете княжить и володети нами”. И избращася три братья с роды своими, пояша по себе всю русь, и придоша; старейший Рюрик седе в Новеграде; а другой Синеус на Белеозере, а третий Изборьсте Трувор. От тех прозвася Русская земля Новугородци: тьи суть людье Ноугородцы от рода Варяжска, прежде бо беша Словени».

В целой исторической литературе, наверное, ни одной легенде не посчастливилось, как той, которую мы сейчас выписали. В течение нескольких столетий ей верили и повторяли ее на тысячу ладов. Целый ряд почтенных тружеников науки потратил много учености и таланта на то, чтобы объяснить, обставить эту легенду и утвердить ее на исторических основаниях; напомним уважаемые имена Байера, Струбе, Миллера, Тунмана, Стритгера, Шлецера, Лерберга, Круга, Френа, Буткова, Погодина и Куника. Тщетно являлись им некоторые противники и с большим или меньшим остроумием возражали на их положения; каковы: Ломоносов, Татищев, Эверс, Нейман, Венелин, Каченовский, Морошкин, Савельев, Надеждин, Максимович и др. В области русской историографии поле оставалось доселе за системой скандинавоманов; назовем труды Карамзина, Полевого, Устрялова, Германа, Соловьева. Не говорим о трудах более drobных, трактующих о норманнском периоде и о скандинавском влиянии на русскую жизнь. Что касается до западной литературы, там скандинавская система царит без всякой оппозиции; так что если речь заходит о Русском государстве, о начале русской национальности, то они неизбежно связываются с призванием варягов.

Уже одно то обстоятельство, что в нашей среде никогда не прекращались сомнения в истине скандинавской теории и возражения против нее, указывает на ее недостаточную убедительность, на присутствие в ней натяжек и противоречий, на ее искусственное построение. И действительно, чем глубже вникаешь в этот вопрос, тем более и более выступают наружу натяжки и противоречия норманнской системы. Если она удерживала до сих пор господствующее положение, то главным образом благодаря своей наружной стройности, своему положительному тону и относительному единству своих защитников; между тем как противники наносили ей удары враспынную, поражали некоторые отдельные доказательства; но мало трогали самую существенную ее основу. Этою основой я называю вышеприведенную легенду о призвании князей. Противники норманистов, по большей части, верили в призвание или вообще в пришествие князей, сводили вопрос к тому, откуда пришли эти князья, и по этому поводу строили системы еще менее вероятные, чем скандинавская.

В последние годы варяжский вопрос снова оживился в нашей литературе, то есть снова поднялись голоса против норманистов. Наиболее значительный труд в этом отношении принадлежит Геденову: «Отрывки из исследований о Варяжском вопросе». Эти отрывки представляют собой прекрасный свод возражений на доказательства норманистов, возражений, отчасти уже высказанных прежде, отчасти добытых собственными изысканиями г-на Геденова. Из этих «отрывков» мы пока не можем вполне судить о его конечных выводах. Мы видим, что он считает русь славянским племенем и пытается, подобно Эверсу, дать видное место в нашей истории угро-хазарскому влиянию. В то же время г-н Геденов примыкает к тем ученым, которые указывали на Славяно-Балтийское поморье; следовательно, он не

отрицает так называемого призвания или пришествия варяжских князей². Еще несколько прежде Геденова выступил г-н Костомаров с теорией о литовском происхождении руси; но его соображения, исполненные, впрочем, большого остроумия, не нашли последователей. Далее, многие дельные возражения против норманистов находим в трудах, которые касаются этого вопроса только отчасти, а именно: у Ламанского (*«О славянах в Испании, Азии и Африке»*), архимандрита Порфирия Успенского (*«Четыре беседы Фотия»*), Котляревского (*«О погребальных обычаях у славян»*) и Хвольсона (*«Известия о хазарах, буртасах и пр. Ибн-Даста»*).

Обратимся теперь к самому вопросу о варягах и руси. Повторим вкратце главные основания, на которых держалась Скандинавская система:

1. Известие русской летописи (то есть вышеприведенное место).
2. Путь «из варяг в греки», описанный в той же летописи, и связанные с ним имена Днепровских порогов, приведенные Константином Багрянородным.
3. Имена князей и дружины, в особенности по договорам Олега и Игоря.
4. Известия византийских писателей о варягах и руси.
5. Финское название шведов руотсы и название шведской Упландии Рослагеном.
6. Известие Бертинских летописей о трех русских послах и известие Лиутпранда о руссах-норманнах.
7. Известия арабских писателей.
8. Скандинавские саги.
9. Позднейшие связи русских князей со скандинавами.

Первым и самым главным основанием теории норманистов служит известие русской летописи о призвании князей из-за моря. Мы сказали выше, что противники их почти не трогали этого основания. Большею частью они точно так же, как и скандинавоманы, принимали призвание или вообще пришествие князей за исходный пункт русской истории и расходились только в решении вопроса: откуда они пришли и к какому народу принадлежали? Так, Татищев и Болтин выводили их из Финляндии, Ломоносов – из славянской Пруссии, Эверс – из Хазарии, Гольман – из Фрисландии, Фатер – из черноморских готов, Венелин, Морошкин, Савельев, Максимович (и в последнее время Геденов) – от балтийских полабских славян, Костомаров – из Литвы. (Есть еще мнение, примыкающее к Эверсу, о происхождении русских князей от угро-хазар; см. Юргевича «О мнимых норманнских именах в русской истории». *Зап. Одес. Об.* Т. VI.) Мы не видим, чтобы кто-либо между исследователями, занимавшимися варяжским вопросом, обратил исключительное внимание на фактическую достоверность самого известия о призвании варягов и вообще об иноземном происхождении княжеских династий. Напротив, почти все исследователи идут от упомянутой летописной легенды и только различным образом толкуют ее текст; например: что она разумеет под варягами-русью? На какое море она указывает? В каком смысле понимать слова: «Пояша по себе *всю русь*» и т. п.? Спорили иногда о правописании, о расстановке знаков в летописном тексте, чтобы заставить его говорить в пользу своего мнения. А между тем весь этот текст, по нашему крайнему разумению, нисколько не в состоянии выдержать исторической критики, не затемненной предвзятыми идеями и толкованиями. Чем ближе мы держимся его буквального смысла, тем более и более путаемся в нескончаемых противоречиях, когда начинаем сопоставлять его с другими несомненно историческими фактами. И наоборот, только убе-

² Насколько сильна отрицательная (то есть антискандинавская) сторона исследований г-на Геденова, можно заключить из того, что главные представители скандинавской школы (гг. Погодин и Куник) отдали ему полную справедливость и отступились от некоторых своих доказательств. Но положительная сторона (именно Хазарский каганат в Киеве и пришествие князей с Балтийского поморья), конечно, не найдет себе подтверждения.

дившись, что мы имеем дело с легендой, а не с историческим фактом, получаем возможность стать на более прочную основу³.

Начнем с того: есть ли малейшая вероятность, чтобы народ, да и не один народ, а несколько, и даже не одного племени, сговорились разом и призвали для господства над собою целый другой народ, то есть добровольно наложили бы на себя чуждое иго? Таких примеров нет в истории, да они и немислимы. А что в данном случае идет речь не о князьях только и их дружине, но о целом народе, в этом едва ли может быть какое сомнение. Сама русская летопись представляет тому убедительные доказательства. По ее словам, в 862 году Рюрик с братьями призван в Новгородскую землю. В том же году Аскольд и Дир уходят от него на юг и захватывают Киев, а через год или через два они уже нападают на Константинополь в количестве 200 лодок, на которых помещались приблизительно до 10 000 войска, состоящего из руси. (Да и это количество еще слишком незначительно в сравнении с таким предприятием, как нападение на Константинополь.) А между тем Аскольд и Дир могли отвлечь только часть руси от Рюрика, у которого оставалась главная ее масса. Напомним, что, судя по летописи, он господствует от Чудского озера и Западной Двины до низовьев Оки и занимает своими дружинами главные пункты в этих землях (Новгород, Белоозеро, Изборск, Ростов, Полоцк, Муром и, конечно, некоторые другие). Далее, что сказать о непосредственно следующих затем обширных завоеваниях и походах Олега, предпринятых со многими десятками тысяч? Судя по летописи, он совокупил войска из всех подвластных ему народов. Но ведь это были народы большею частью только что покоренные; следовательно, чтобы держать их в покорности и двигать с собою их вспомогательные войска, нужна была значительная и однородная масса завоевателей; притом такое движение возможно только на суше, а не на море. Поход Олега на Царьград, предпринятый в столь широких размерах и исполненный с такою удачей, если бы был достоверен, указывал бы на опытных и бесстрашных моряков, следовательно, опять на массу более или менее однородную. Едва ли в этом морском ополчении можно допустить присутствие приведенных в летописи элементов, вроде мери, радимичей и т. п. народов, живших внутри России и совсем незнакомых с морем. Если даже оставить в стороне поход Олега, о котором византийцы не упоминают, то остается еще поход Игоря; о нем византийские историки говорят так же положительно, как и о нападении Аскольда (не называя, впрочем, последнего по имени). Несмотря на всю краткость и отрывочность византийских известий о походе Игоря, мы можем, однако, догадываться, что это не был простой набег только из-за добычи, как обыкновенно у нас его изображают; нет, это была целая и довольно продолжительная война. Руссы высадились в Малой Азии и воевали там несколько месяцев (а в Малой Азии было тогда многочисленное славянское население, не всегда покорное Византии); между тем флот их опустошал берега Боспора. Византийская империя только с большим напряжением своих сил заставила наконец руссов удалиться. (Нельзя не отдать некоторой справедливости мнению Венелина, который связывает эти предприятия с событиями в Болгарии и с отношениями Болгарии к Византии. Походы Святослава вполне подтверждают это мнение.)

А походы руссов на Каспийское море в 913 и 944 годах, упоминаемые арабами и предпринятые также десятками тысяч воинов? Обратите внимание на те места договоров Олега и Игоря, где говорится о светлых русских князьях, состоявших под рукою киевского князя; в договоре Игоря приводятся и многие имена этих (удельных) князей; каждый из них имел, конечно, свою дружину. Обратите внимание также на главные статьи этих договоров. Разве они не указывают на существование уже значительных и деятельных торговых сношений,

³ Только скептическая школа Каченовского заподозрила несостоятельность всего этого сказания, но говорила о том мимоходом, без связи с другими данными, не развивая ничего до конечных выводов и подчас просто увлекаясь своими отрицаниями. Тем не менее школа эта далеко не заслуживает того сурового приговора, который над ней произносили. Некоторые мысли, высказанные ею о русской летописи, нашли себе оправдание в позднейших исследованиях.

и не одних торговых, но и посольских? Договоры ведутся исключительно от имени руси как народа сильного, давно оседлого на своих местах и довольно ясно определявшего свои отношения к соседям. Эта русь выделяет из себя значительное количество торговых людей, которые предпринимают далекие плаванья и подолгу проживают в чужих странах. (О больших русских караванах, ходивших ежегодно в Черное море, говорит и Константин Багрянородный.) Эти русские купцы-воины, торговавшие в Константинополе, были настолько многочисленны, что, ввиду безопасности, ставится условием, чтобы они не входили в город зараз более 50 человек и притом без оружия. В тех же договорах говорится не об одних торговцах и послах, но упоминаются и руссы, состоявшие наемниками в войсках византийских императоров (о русских наемных отрядах говорят и византийские историки). Параллельно с этими договорами мы можем поставить относящиеся к той же эпохе арабские известия о русских торговых караванах на Волге, то есть в Хазарии; в городе Итиле, столице хазарской, встречаем целую колонию русских купцов; у хазарского царя также есть наемное войско из руссов.

Все доказывает, что русь, основавшая наше государство, не была какою-нибудь отдельною дружиной или каким-то родом, который пришел со своими князьями, призванными в Новгородскую землю для водворения порядка. Нет, это был целый сильный народ, отличавшийся предприимчивым, суровым и властолюбивым характером. На его свирепость сильно жалуются византийские известия. Не одним соседям доставалось от этого народа; господство его не было легким и для подчиненных племен; из их среды он, конечно, брал то огромное количество рабов, которых отсылал на продажу в соседние страны. Припомним слова, вложенные в уста Святослава, о том, что из руси идут в Грецию шкуры, воск, мед и *челядь*. По известиям Константина Багрянородного и Ибн Фадлана, у русских купцов главным товаром являются невольники и невольницы. Звериными шкурами и медом платили дань руси подчиненные ей племена. Что эти племена чувствовали тяжелую руку господствующего народа и не были равнодушны к своему положению, показывает смерть Игоря и последующая затем истребительная война с древлянами. Человеческие жертвы, приносимые киевскому Перуну, также не свидетельствуют в пользу тихих, кротких нравов, которыми наш летописец наделяет племя полян (иначе называвшееся русью). По летописи выходит, что как северные славяне добровольно призвали к себе господ, так и южные племена большею частию покорились им легко. «Кому дань даете?» – спрашивает русский князь. «Хазарам!» – отвечают северяне или радимичи. «Не давайте хазарам, а мне давайте». И племена будто бы покорно повиновались.

Некоторые писатели, поддерживающие скандинавское происхождение руси, не настаивают, собственно, на добровольном призвании, а склоняются к тому, чтобы предположить завоевание или какую другую комбинацию. Но вопрос все-таки сводится к тому же выводу. Так как из самой же летописи вытекает, что это был сильный народ, в короткое время покоривший столько племен и основавший огромное государство; следовательно, он должен был совершить свое движение из Скандинавии в значительных массах и произвести нашествие вроде, например, остготов или лангобардов, покоривших Италию. Но могло ли подобное движение остаться незамеченным современниками и не найти никакого отголоска ни в скандинавских, ни в немецких, ни в византийских источниках? Следовательно, такого движения не было. Да оно и не могло быть в подобных размерах. Ближайшая к России скандинавская страна, Швеция, была в те времена сама еще очень бедно населена; германский элемент ее был еще очень малочислен. Наиболее сильный норманнский народ, датчане, около того времени только что заявили о себе морскими набегами; но их стремление было обращено на берега Западной Европы, главные усилия их, как известно, обратились на Англию. О норвежцах можно сказать то же, что о шведах и датчанах вместе, то есть они были так же малочисленны, как шведы, и так же стремились на запад, как датчане. Мы видим, как созда-

лось Нормандское герцогство, подготовленное предыдущими нападениями норманнов, как постепенно подготовилось окончательное завоевание Англии и при каких обстоятельствах положено начало Неаполитанскому королевству. Можно ли отсюда заключить о том, что всем трем упомянутым событиям уже предшествовало быстрое завоевание теми же народами всего пространства от Финского залива до Черного моря, пространства, населенного отнюдь не робкими, бессильными или малочисленными племенами. Надо оставить мнение, пущенное в ход хотя и знаменитым писателем (Шафариком), но тем не менее ошибочное, мнение о какой-то миролюбивой, пассивной натуре славян, одаренной разными благими качествами, за исключением главных, каковы любовь к независимости и способность организации.

Скандинавским народам было не под силу в IX веке основание такого огромного государства, каково Русское. На востоке им было достаточно дела и с балтийскими славянами.

II. Договоры с греками. Известия византийцев

Норманисты много опирались на договоры Олега и Игоря для подтверждения своей системы, и некоторые из них горячо отстаивали подлинность договоров. Действительно, нет никаких серьезных поводов сомневаться в их подлинности; это почти единственные документальные источники, занесенные на первые страницы нашей летописи. Потому-то их содержание во многом и противоречит тем легендарным рассказам, которыми они обставлены. При внимательном рассмотрении они могут служить одним из важнейших доказательств не истинности, а, напротив, ложности скандинавизма. Если Олег был норманн, пришедший в Россию с Рюриком, и дружина его состояла из норманнов, то как же, по свидетельству договора, они клянутся славянскими божествами Перуном и Волосом, а не скандинавским Одином и Тором? Та же клятва повторяется в договорах Игоря и Святослава. Мы видели, что русь по всем несомненным признакам была сильный многочисленный народ и народ господствующий. Если бы это был народ, пришедший из Скандинавии, то как мог он так быстро изменить своей религии и кто его мог к тому принудить? Даже если принять положение, что это был не народ (что совершенно невероятно), а скандинавская династия с своею дружиной, которая составила только высшее сословие, так называемую аристократию в стране славян, и тогда нет никакой вероятности, чтобы господствующий класс так скоро отказался от своей религии в пользу религии подчиненных. Удивительно, как эта несообразность не бросилась в глаза норманистам. Впрочем, и их противники слишком мало обратили внимания на это обстоятельство.

Договоры Олега и Игоря убеждают нас в том, что русь существовала на Днепре и на Черном море задолго до второй половины IX века, то есть до эпохи так называемого призвания князей. Мы уже говорили, что эти договоры указывают на довольно развитые и, следовательно, давние торговые сношения. Подобные сношения, и притом сопровождаемые формальными договорами, не могли завязаться вдруг, без целого ряда соответствующих обстоятельств. И действительно, те же договоры заключают в себе прямые намеки на то, что они были повторением прежних, таких же мирных трактатов. Например, выражения «на удержание и на извещение от многих лет межю христианы и русью бывшую любовь» или «любовь бывшую межю христианы и русью» и т. п. (см. договор Олегов). В этом отношении они имеют непосредственную внутреннюю связь с известными двумя речами византийского митрополита Фотия, произнесенными по поводу нападения руси на Константинополь в 865 году. Вот что говорится во второй беседе: «Эти варвары справедливо развирепели за умерщвление их соплеменников и благословно требовали и ожидали кары, равной злодеянию». И ниже: «Их привел к нам гнев их; но, как мы видели, Божия милость отвратила их набег» (см.: «*Четыре беседы Фотия*» архим. Порфир. Успенского). Отсюда ясно, что первое нашествие руссов на Константинополь также не было простым разбойничьим набегом: по всей вероятности, ему предшествовало убийство русских торговцев в Греции и отказ греков в удовлетворении. Произошло событие, подобное тому, которое мы встречаем гораздо позднее, при Ярославе I, когда за убийство русских купцов в Византии он посылал флот с сыном своим Владимиром. Арабский писатель Хордадбех говорит, что византийский император и царь Хазарии взимали десятину с русских купцов. Это свидетельство подтверждает существование давних торговых сношений руси с припонтийскими и прикаспийскими странами; так как Хордадбех писал в эпоху Рюрика и Аскольда. А по скандинавской системе русь в это время только появляется в России; когда же она успела организовать свои торговые сношения с греками и хазарами, неужели еще в то время, когда жила в Скандинавии?

Упомянутые две беседы Фотия, современные так называемому призванию к нам варягов, представляют и еще кое-какие черты для уяснения вопроса о руссах. Хотя он тут иногда

впадает в некоторые противоречия с самим собою, но эти противоречия легко объясняются риторическими оборотами и не мешают понимать их настоящий смысл. То он выражается о руссах высокопарно, иногда словами Библии. Например: «Народ сей двинулся с севера с тем, чтобы дойти до второго Иерусалима, и люд сей устремился с конца земли, неся с собой стрелы и копья. Он грозен и не милует. Голос его как шум моря» и т. д. или: «Я вижу народ жестокий и борзый, смело окружающий наш город и расхищающий предместья его». То он отзывается о них с презрением и старается умалить их значение: «О град, царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается над тобою, как над рабою! – необученное и набранное из рабов! Что за народ вздумал взять тебя в добычу?.. Слабый и ничтожный неприятель смотрит на тебя сурово, пытается на тебе крепость руки своей и хочет нажить себе славное имя». И в другом месте: «Те, которых усмиряла самая молва о ромеях, те подняли оружие против державы их». И далее:

«Народ, ничем не заявивший себя, народ непочетный, считаемый наравне с рабами, неименитый, но приобретший славу со времени похода к нам, незначительный, но получивший значение, смиренный и бедный, но достигший высоты блистательной и наживший богатство несметное, народ где-то далеко от нас живущий, варварский, кочевой, гордый оружием, не имеющий стражи, без военного искусства, так грозно, так мгновенно, как морская волна, нахлынул на пределы наши» и пр. Подобные риторические черты находились в связи с различными оборотами речи. Когда оратор рисует вообще яркую картину нашествия «тучи варваров», то изображает их грозными и неодолимыми; когда же он мечет громы против грехов, в которых погрязло столичное население, то для большего оттенка изображает ничтожество неприятелей, которые посланы как кара небесная на изнеженных и праздных жителей. «Чем неименитее и незначительнее народ, который до нападения на нас ничем не дал себя знать, тем больший стыд нам приписывается», – поясняет сам Фотий.

Истина, конечно, заключается в середине. Нахлынувшие варвары не были врагами неодолимыми; но в то же время они были настолько сильны, что отважились напасть на такой огромный и хорошо защищенный город, каким был Константинополь. «Поход этих варваров схитрен был так, что и молва не успела оповестить нас, и мы слышали о них уже тогда, когда увидели их, хотя и разделяли нас столькия страны и народоначальства, судоходные реки и пристанищные моря». Замечательно при этом то обстоятельство, что нападение столь быстро и ловко сделанное произошло в то время, когда император Михаил III находился с главными силами в походе против сарацин – обстоятельство, вероятно, не безызвестное руссам. Быстрота похода доказывает только, что Черное море и его берега были им хорошо знакомы. Следовательно, выражения «народ кочевой», «без военного искусства», «войско набранное из рабов» и т. д. – это отчасти риторика, а отчасти и греческая точка зрения на подвижных, предприимчивых руссов, на их изобилие рабами (челядью) и их ополчение, не похожее на стройные (сравнительно) греческие легионы. Эти беседы Фотия ровно ничего не дают в пользу норманнской теории, и, однако, норманисты находят возможным на них ссылаться. Например, будто вышеприведенные фразы об отдаленности Руси, о странах и морях, отделяющих ее от Византии и т. п., – это намекает на Скандинавию. Но, во-первых, не забудем риторический характер бесед; а во-вторых, для обитателя Константинополя в те времена не только Киев (не говорю о Новгороде), но и северные побережья Черного моря должны были представляться местами, лежащими где-то далеко на севере, чуть не на краю света. Вспомним, какое продолжительное и трудное плавание совершали русские суда, направлявшиеся в Константинополь; они огибали вдоль берегов с их заливами, устьями рек, мысами и т. д.; следовательно, они действительно должны были касаться различных стран и разных народов, находившихся между Днепром и Константинополем. Что византийцы называли иногда гиперборейскими, то есть северными, народы, обитавшие в Южной России, тому можно найти и другие примеры. (Так названы у Льва Диакона хазары.)

Беседы Фотия дают понять, что русь не была для греков каким-то неизвестным дотоле народом, что столкновения с нею были и прежде. В то же время из них ясно вытекает, что это было первое грозное нашествие руси, нападение на самый Константинополь – нападение, заставившее греков обратить на русь более внимания, чем прежде. Фотий уясняет нам, почему с этого события начинаются более прямые известия у византийских историков о руси под ее собственным именем, а не под именем скифов, сарматов и т. п. Отсюда мы выводим непосредственное отношение к нашей летописи. Руководствуясь своими образцами, то есть византийскими хронографами, она начинает историю руси тем же самым событием, то есть первым нашествием их на Константинополь. Но так как это событие несколько не объясняет начала Русского государства, то ему и предпосылается легенда о призвании князей. Фотий, современник этого мнимого призвания, не делает о нем ни малейшего намека, а между тем, характеризуя неприятельский народ, по всей вероятности, он упомянул бы и о его предводителях. Но известие о призвании является в русской летописи такою же легендою, как и рассказ о погружении ризы от иконы Влахернской Богородицы и восставшей после того бури, которая разметала суда руссов. Этот рассказ является у некоторых позднейших византийцев и от них буквально перешел в нашу летопись. Беседы Фотия восстанавливают для нас событие в настоящем виде; причем буря действительно играет роль, но только наоборот, в начале события, а не в конце. Он говорит, что варвары приблизились в бурную, мрачную ночь, но что море потом утихло, и они спокойно обступили город; а удалились они в то время, когда риза Богородицы торжественно носилась вокруг стен (вероятно, заслышав о приближении императорского флота и войска).

Патриарх Фотий кроме своих бесед оставил нам и еще свидетельство о руссах, именно в своем окружном послании 866 года, где он говорит об обращении в христианство болгар и руссов. Здесь несколько менее риторики, чем в беседах, и более прямых, ясных указаний. Приведем его слова: «Не только оный народ (болгары) переменял древнее нечестие на веру во Христа, но и народ часто многими упоминаемый и прославляемый, превосходящий все другие народы своею жестокостью и кровожадностью, – я говорю о руссах, – которые, покорив окрестные народы, возгордились и, возымев о себе высокое мнение, подняли оружие на Римскую державу. Теперь они сами переменяли нечестивое языческое суеверие на чистую и непорочную христианскую веру, и ведут себя (в отношении нас) почтительно и дружески, так как незадолго перед тем беспокоили нас своими разбоями и учинили великое злодеяние». Из приведенных слов вытекает, что Фотий достаточно знал руссов, что в то время они уже господствовали над соседними народами и сочли себя настолько сильными, чтобы напасть на самый Константинополь, чем заставили много говорить о себе. И ни слова об их князьях, пришедших из Скандинавии! Все это, разумеется, несколько не согласуется с нашими летописными Аскольдом и Диром; там это странствующие рыцари, которые только что завладели Киевом и немедленно бросились на Константинополь. Когда же Аскольдова русь (то есть пришедшая дружина в несколько сот человек) успела покорить соседние народы между прибытием в Киев и походом на Византию? (Приняв хронологию норманистов, это выходит приблизительно в год.) И если они уже покорили соседние народы, то что же осталось бы на долю Олега? Все эти несообразности заметил Шлецер и выпутался из них очень просто: руссы, нападавшие на Константинополь, по его мнению, *не настоящие* руссы, а какой-то неизвестный варварский народ, и византийцы тут явно напутали. Но другие норманисты не решились отвергать современное свидетельство Фотия. Мало того, слова Фотия являются у них подкреплением их же системы. В беседах он выражается, что варвары пришли с далекого Севера: ясно что это Скандинавия, что же может быть севернее Скандинавии? В послании он говорит, что руссы поработили *окрестные* народы, опять ясно, что тут дело идет о норманнах; известно, что они в те времена если еще не покоряли, то уже нападали на Германию, Англию, Францию, Испанию и т. д. (это все окрестные народы!).

От патриарха Фотия, современника мнимого прибытия руси из Скандинавии, перейдем к Константину Багрянородному, современнику Игоря⁴. Он был свидетелем Игорева нападения на Византию, заключал с ним договор, принимал у себя его супругу Ольгу, довольно подробно описывает этот прием (в сочинении «*О обрядах Византийского двора*») и не пользуется случаем сказать что-нибудь о варяжских князьях, основателях Русского государства. Рюрик, по нашей летописи, приходился свекром Ольге, и если не она, то кто-либо из ее свиты мог сообщить любознательному императору подробности о Рюрике и Олеге. Да и без них Константин всегда имел возможность получить подобные сведения от русских послов и купцов в Константинополе. Если принять за истину то, что летопись рассказывает (а норманисты подтверждают) о походах Олега, тогдашний мир должен был наполниться его славой, и тем не менее Константин сохраняет о нем упорное молчание. В другом своем сочинении («*Об управлении империей*») он сообщает многие сведения о соседних и даже отдаленных народах (ломбардах, арабах, печенегах, сербах, хазарах, уграх и пр.). Тут между прочим он говорит о руссах; уже одно столь известное описание их плавания по Днепровским порогам показывает, что он интересовался ими и знал их довольно хорошо, и опять никакого намека на переселение руссов в Россию или на завоевание ее какими-либо иноземными князьями. Константин, например, рассказывает о начале династии Арпада у венгров и об их отношении к хазарам; а между тем Арпад приходится, по-видимому, современником Рюрика. В третьем своем сочинении, «*Жизнеописании*» своего деда Василия Македонянина, Константин говорит о первом крещении руси и опять не делает ни малейшего намека на ее норманнство. Из всех известий Константина ясно вытекает, что он считает русь народом туземным, а не пришлым; притом он весьма просто и естественно передает нам даннические отношения разных славянских племен к господствующему народу русь. Следовательно, если бы на Руси около той эпохи случились такие перевороты, о которых рассказывают легенды, занесенные в нашу Начальную летопись, то есть ли какая вероятность, чтобы любознательный и словоохотливый Константин Багрянородный ничего о них не знал, а зная – умолчал?

Известия о руссах у Фотия, Никиты и Константина Багрянородного находятся в полном согласии между собою и ни в чем друг другу не противоречат. То же самое можно сказать об одном из ближайших после Константина историков, о Льве Диаконе: описывая войну Святослава с греками и сообщая многие подробности о руссах, он не делает никакого намека на то, что считает русь пришлым народом в России. Святослав был внуком Рюрика, и память о пришествии руссов из Скандинавии или из другой какой страны могла еще живо сохраняться; сам Святослав, по мнению норманистов, был тип норманна, а дружина его состояла преимущественно из норманнов. Между тем Лев Диакон приурочивает тавроскифов (руссов) преимущественно к берегам Черного и Азовского морей.

Если мы обратимся вообще к византийским известиям о варягах и руссах, то рассмотрение их и сличение между собою приводит нас к следующим положениям. Во-первых, византийские источники не смешивают русь с варягами, а говорят о них отдельно. Во-вторых, о руси они упоминают гораздо прежде, нежели о варягах. В-третьих, что касается до наемных иноземцев на византийской службе, то варяги составляли отряды сухопутные, а руссы преимущественно служили во флоте. Норманисты нашли, что название варягов (варанги) слишком запаздывает в византийских источниках: так как прямо и положительно под этим именем последние выступают только в XI веке. А так как в X веке (у Константина Багрянородного) встречаются фарганы, то норманисты отождествили их с варягами;

⁴ Кроме Фотия, имеем и другое современное свидетельство о первом появлении руси под Царьградом. Никита Пафлагонянин в своем жизнеописании патриарха Игнатия упоминает о свирепствах *скифского народа рось* в окрестностях Царьграда, также без всякого намека на скандинавское происхождение.

но после доказательств г-на Геденова отступились от фарганов. С другой стороны, у одного византийского писателя (Феофана) под 774 годом говорится, что император Константин Копроним, «отправляясь против русских судов, двинулся в реку Дуна». Норманисты в этом случае переводят: «вступив в *красные* хеландии». Антинорманисты (между прочим, Эверс) настаивали на *русских* хеландиях. (Но после убедительных доказательств г-на Куника мы оставляем в стороне эти спорные хеландии.) Норманисты много и убедительно доказывали, что варанги византийские были норманны и означали то же, что у нас варяги. С чем мы совершенно согласны; только и в этом случае скандинавоманы слишком упирают на Скандинавию. Относительно отчества варангов византийские известия указывают иногда на Германию, иногда на дальний остров, находящийся на океане, который они называют Туле, или причисляют их к англичанам. Под островом Туле у византийцев разумеется вообще крайний северный остров, так что, смотря по обстоятельствам, под ним можно разуместь острова Британские, Исландию, острова и полуострова Скандинавские. Но что же из этого? Мы все-таки не видим главного: тождества варангов с русью, и не только нет никакого тождества, напротив, византийцы ясно различают русь и варягов. Русь для них народ северный или даже надсеверный (гиперборейский); но нигде они не выводят его с крайнего острова, лежащего на Океане, как выражаются иногда о варангах. Правда, византийцы не смешивают русь с варангами, но как-то у них мимоходом замечено, что «Русь, так называемые Дромиты (обитатели Дромоса), от рода франков». (Продолжатели Феофана и Амартола.) Этого весьма неопределенного выражения достаточно было норманистам, чтобы подкрепить свое мнение о родстве руси и варангов или, собственно, об их общем германском происхождении. Но здесь слово «франки» должно быть понимаемо в весьма обширном смысле, в смысле народов северно- и западноевропейских: примеры тому нередки у византийских писателей (как справедливо показал еще Эверс), от которых странно было бы требовать точных этнографических терминов. Притом самих варягов они нигде не называют франками. Обыкновенно византийцы причисляют русь к «скифским» народам; но и этим названием не выражается какой-либо определенный этнографический тип. Для нас, повторяю, важно то обстоятельство, что византийцы, близко, воочию видевшие пред собою в одно и то же время и варангов, и русь, нигде их не смешивают и нигде не говорят об их племенном родстве. Норманнскую школу не смущает подобное обстоятельство. Для нее довольно и того, что их смешивает наша басня о призвании варягов-руси. А между тем в этом-то весь корень вопроса. Мало ли что может смешиваться в темном народном предании, в сказке, в песне, в собственном домысле книгописца и т. п.? Но может ли наука опираться на подобные основания? Варяги-норманны несомненно были в России; но они были здесь почти тем же, чем и в Византии, то есть наемного дружиной. Я говорю *почти*, потому что у нас размеры несколько другие: у нас они были вначале и многочисленнее, чем там, и принимали большее участие в наших событиях.

Известно, как сильно норманисты упирают на Днепровские пороги у Константина Багрянородного, который приводит их названия в двух видах: в русском и славянском. Вот они. Русские: *Ульворси, Геландри, Айфар, Вару-форос, Леанти и Струвун*; славянские: *Островунипраг, Неясыть, Вулнипраг, Веруци, Напрези*. Кроме того, один порог имел общее название, по-русски и по-славянски *Есупи*. Немало эрудиции было потрачено скандинавскою школою, чтобы *русские* (то есть предполагаемые скандинавские) названия объяснить при помощи почти всех северо-германских наречий. Досталось, впрочем, и не одним германским наречиям; тут пошли в дело кельтские и финские (Струбе, Тунман, Лерберг); не обращались разве только к наречиям славянским. Для образца этих объяснений приведем толкования первого русского названия, то есть Ульворси, или Ульборси (Ούλβορσι). Во-первых, говорят норманисты, его надобно читать не Ульворси, а Ульмворси и даже не Ульмворси, а Хольмворси; так как в греческой передаче *м* перед (β) могло быть выброшено, а *хо* обратилось в *у*.

Затем это слово уже не представляет затруднений. *Хольм* (Holm) в языках английском, шведском, нижнесаксонском и датском означает или остров, или островок. А вторая половина названия *ворси* напоминает нижненемецкие *Worth, Wurth, Worde, Wuhrde* и англосаксонские *Worth, Warth* и *Warothe*, означающие или возвышение, или берег; можно также производить ее от *fors*, «порог». Прекрасно; но если толковать Ульворси как перевод соответствующего ему у Константина славянского Островунипраг, то мы не думаем, что надобно исключительно обращаться к германским наречиям, когда имеем в славянских то же слово *холм* с различными его вариантами: *хельм, хлум, шелом* и т. д., а для *бореи* или *ворси* и для *форос* (в слове Варуфорос, которое тоже объясняется норманистами при помощи *fors*), *бор* и *вор*, встречающихся в сложных именах (например, Бранибор, Раковор и пр.), имеем тот же *праг* или *порог*. (Имеем еще слово *забора*, которое и до нашего времени употребляется там же, на Днепре, для обозначения малых порогов.) Таким образом с наименьшей вероятностью можно предложить для Ульборси, вместо *Holmfors* или *Holmvorth*, держась ближе к тексту, Вулборы, то есть Вулнборы, где первая половина слова будет та же, что в названии Вулнипраг (или в позднейшем Вулнег). Может быть, Ульборси совсем и не означает то же самое, что Островунипраг; а, вернее, соответствует именно славянскому Вулнипраг?

Не беру на себя задачи немедленно объяснить так называемые русские имена порогов у Константина; предполагают и значительную порчу этих имен в его передаче, и вообще его недоразумение при их параллели с именами славянскими. Может быть, со временем, когда на объяснение их при помощи славянских наречий употреблено будет хотя вполнину столько же труда и усилий, сколько было потрачено на объяснение из германских, вопрос этот ближе подвинется к своему решению. Ограничусь несколькими замечаниями. Что Константин, по большей части, передал имена в искаженном виде, для этого достаточно бросить взгляд на так называемые славянские названия. Что такое, например, *Веруци* (Βερούτζη)? Не поясни он, что это славянское слово и что оно означает варение и кипение воды (Врѣсѣ верѣу), мы, пожалуй, не вдруг догадались бы о том, и норманисты, по всей вероятности, обратились бы к германским наречиям для отыскания корня. Или возьмем общее русско-славянское название одного порога *Есупи* (Есѣупѣ). Не прибавь Константин, что это значит *не спи* или *не спать* (μη κοιμασθαι), много пришлось бы ломать голову, чтобы дойти до такого смысла. Замечательно, что норманисты и это название не уступают исключительно славянскому языку; они доискались, что на германских наречиях *ne suefe* будет значить тоже «не спи» (и даже сильнее, так как тут приходится два отрицания, одно в начале, другое в конце, то есть: «Нет! Не спи!»). Далее, что такое славянское название *Напрези*? Опять не скажи Константин, что это значит малый порог, то есть порожек, никак бы не догадаться. Да и после его объяснения слово остается сомнительным. Его пытались видоизменить в *Набресе* и *Напрежье*; но все это очень натянуто. А между тем обратим внимание на соответствующее ему русское название *Струвун*. Для разъяснения его будто бы необходимо также обратиться к скандинавским: *strid, strond, strom* и *buna, bune* и т. п. Но это якобы неславянское слово разве не тот же *Островун-порог*, приводимый Константином между славянскими названиями? Струвун и Островун представляют такое же отношение, как названия нашего древнего города Вручий и Овруч⁵.

⁵ Варуфорос не означает ли Вар-порог? В таком случае против славянского Веруци следовало бы поставить русское Варуфорос (а не Леанти), как происходящий от того же корня *врети, варити*. Геландри, по объяснению Константина, значит «шум порога»; отсюда мы делаем предположение: не скрывается ли тут слово *гуль*? Форма *Гуландарь* или *Гуландра* весьма возможна в русском языке. Нисколько не настаиваем на своих словопроизводствах в этом случае и делаем их только для того, чтобы показать возможность объяснить некоторые непонятные имена из славянских корней. Может быть, кто-нибудь со временем доберется до их смысла. А возможно, и то, что их смысл для нас навсегда потерян вследствие большого искажения. Например, если бы не другие соображения, то филологически невозможно в *Телюца* узнать *Любеч*. Точно так же филологически нельзя доказать, что *Напрези* означает малый порог. Напомним еще ряд собственных имен, доселе не разъясненных: Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревугы и Ольберы («Слово о полку Игореве»). Чтoб отделаться от

Итак, не может быть сомнения в искажении самых названий у Константина Багрянородного. Можно указать тому и другие примеры. Напомним некоторые его названия славянских городов: Немогард, Милиниск, Телюц и пр., в которых мы узнаем Новгород, Смоленск, Любеч. Подобные искажения, конечно, неизбежны в устах иноземцев, но при этом возьмем еще в расчет, как далеко удалились мы в настоящее время от южнорусского произношения X века! Многие слова, даже и верно записанные в то время греками, могут в настоящее время нам показаться чуждыми или непонятными. Далее, представляется вопрос: верно ли понял Константин то, что ему толковали о Днепровских порогах? Что это за двойной ряд названий: русские и славянские, варианты или переводы? Норманисты усиливаются доказать, что русские названия имеют тот же смысл, как и соответствующие им славянские. Но в таком случае опять вопрос: какие названия оригинальные и какие переводные; кто первый их придумал, славяне или русь? Так как по теории норманистов русь – племя пришедшее и неславянское, то оно, нашедши имена Днепровских порогов уже готовыми у славян, не согласилось, однако, употребить их, а перевело их на свой язык. Где же и когда географические имена переводились таким образом? Если и можно найти тому примеры, то немногие и отнюдь не в таком количестве зараз и не в таком систематическом порядке; вновь поселяющийся народ обыкновенно или принимает уже существующие названия, видоизменяя их по своему выговору, или дает свои собственные.

Но что такое самое выражение Константина Багрянородного: *по-русски* и *по-славянски*? Не вправе ли мы заключить отсюда, что он считал русский язык особым, неславянским языком? И не только в этом случае, но и в некоторых других у него русь и славяне как будто два различных народа. И именно он как бы противопоставляет русь тем племенам, которые платили ей дань и которых он называет славянскими. Но в этом-то сопоставлении и заключается разгадка. Дело в том, что сама русь, без сомнения, отличала себя от покоренных племен; как господствующий народ она, вероятно, свысока смотрела на своих славянских данников, что, конечно, не мешало ей самой быть славянским племенем. Необходимо взять при этом в расчет то обстоятельство, что понятие о родстве всех славян между собою и о принадлежности их к одному великому племени есть достояние собственно позднейшего времени и притом только образованного или книжного класса. Не только тогда, но и теперь миллионы людей живут на свете, не подозревая того, что они славяне. Константин Багрянородный мог лучше знать собственно южных славян; а о северных и восточных он писал более по слуху и потому легко впал в заблуждение, отделяя русь от других русских славян. Если мы не примем всего этого в соображение, то впадем в безвыходные противоречия. Возьмем опять того же Константина. Описывая обычный зимний объезд киевскими князьями покоренных племен (полюдь), он говорит, что князья до этого отправляются из Киева «со всею русью». Можно ли понять эти слова буквально, то есть что киевские князья делают объезд в сопро-

них, их объявили нерусскими; но вполне ли это верно? Наше предположение о возможности видоизменения тех же слов или о замене их другими (не выходя из пределов того же языка) подтверждается позднейшими названиями Днепровских порогов. Многие ли из них сохранились от времен Константина хоть до XVI века, то есть до «*Книги Большого Чертежа*»? Мы находим в ней, собственно, одно тождественное с прежним название: *Ненасытец* (*Неясыть* IX века). Потом следует Звонец, соответствующий Константинову переводу против слова Геландри: «шум порога». Далее Вулнег, который может напоминать Вулинипраг. Вот и все. Остальные (*Кодак, Сурской, Лоханной, Стрельчей, Княгинин, Воронова, Будило, Бальный, Лычна, Таволжаной*) не похожи на имена, приведенные Константином. Только Будило напоминает «Не спи», но напоминает своим смыслом, а не буквой. Он же наводит на мысль о том, как иногда своеобразно могут видоизменяться названия. (Так вместо Гуландри мог явиться Звонец.) Конечно, крупные географические имена сохраняются гораздо тверже, но такие мелкие, как имена длинного ряда порогов, неизбежно должны были варьироваться. Сравним названия порогов XVI века с их настоящими названиями. Большею частью они сохранились, но с другими окончаниями, и притом иногда совсем не на тех местах; есть и названия совсем новые. Упомянем мимоходом о попытке объяснить *все* русские названия порогов у Константина Багрянородного и почти все личные имена той эпохи из языка венгерского (Зап. Одес. Общ. И. и Д. Т. VI). Это показывает, какое обширное поле для догадок представляют означенные названия. Действительно, имена порогов – самое темное место в целом варяжском вопросе. Можно предложить еще следующую догадку: несколько непонятных имен не есть ли это остаток названий из более древней эпохи, то есть из эпохи скифской?

вождении всего русского народа? Куда же в таком случае девались те многие светлые русские князья, сидевшие с их дружинами по другим главным городам, князья, о которых говорят нам договоры Олега и Игоря? Не ясно ли, что тут надобно разуместь собственно княжескую дружину, да и не одних киевских князей, а вообще русских князей; каждый из них объезжал с дружиной свой удел, чтобы собирать дань и творить суд. Понятно, что дружина-то и называла себя русью по преимуществу. Понятны отсюда неточности и в известиях Константина Багрянородного. При всей своей добросовестности он не мог, конечно, избежать их, когда говорил о других народах. Если посмотрим все его известия, то найдем у него многие недоразумения по отношению к тем народам, которых он описывал по слуху, – недоразумения весьма естественные: и в наше время, при настоящих научных средствах, как иногда бывает трудно собрать точные этнографические данные! Не отвлекаясь примерами сомнительных известий о других народах (хазарах, печенегам, уграм и пр.), приведу еще одно место из Константина о руссах. Он говорит, что русские выменивают у печенегов рогатый скот, коней и овец: «Поелику никакое из этих животных не водится в России». Статочное ли дело, чтобы в Киевской Руси не водились свои лошади, быки и овцы! Вероятно, из того большого количества скота, которое русские получали от степных народов, Константин заключил о неимении его в России; могло быть также, что ему случайно сообщил кто-нибудь неточное известие (например, после сильных падежей скота, столь обычных в России).

Сличая все известия о России того времени, мы выводим заключение, что название «русь» как термин этнографический имело весьма растяжимый характер. В обширном смысле оно обнимает всех восточных славян, подвластных русским князьям, не менее обширном – славян южнорусских, в тесном смысле – это племя полян или собственно киевская русь; наконец, иногда значение этого имени, как мы видим, суживалось до понятия сословного, а не народного – это княжеская дружина, то есть военный класс по преимуществу. Что русь была тождественна со славянским племенем полян, это, по-нашему крайнему разумению, несомненно. Константин Багрянородный, несколько раз упоминая о славянских данниках руси, приводит имена: древлян, уличей, драговитов, кривичей и сербов (северян). Где же поляне, судя по нашей летописи, главнейшее славянское племя? Константин их не знает, потому что русские в сношениях с иноземцами любили называть себя исключительно русью. А между тем дома, в отечестве, имя полян долго еще не забывалось и после того. Замечательны в этом отношении известные слова нашей летописи: «Все это был один славянский язык: славяне по-дунайские, покоренные уграми, и моравы, и чехи, и ляхи, и *поляне, яже ныне зовомая русь*». Эти драгоценные слова никоим образом не согласуются с басней о призвании варягов и, без сомнения, принадлежат не тому лицу, которое смешало русь с варягами. Кстати, приведем еще место из летописи, относящееся к XII веку: «И стояша на месте нарицаемом Ерел, его же русь зовет Угол» в (Ипатьевской, 128, а в Лаврентьевской, 67: «Перешедше Угол реку»). Мы видим тут рядом два названия: Ерел (Орел) и Угол; оба они славянские. Попадись эта фраза под руку Константину Багрянородному, по всей вероятности, он написал бы: по-славянски Ерел, а по-русски Угол; причем не обошлось бы без некоторого искажения в передаче, и (судя по аналогии) нам пришлось бы разыскивать значение Угла (Унгол или Ингул) в северногерманских наречиях; там мы тотчас бы напали на тот же корень в англах или инглах британских или в инглинах скандинавских, и вот новое подтверждение скандинавской теории. (Впрочем, некоторые норманисты все-таки нашли возможным отвести этот Угол к скандинаво-русским названиям!)

Русь в X веке, конечно, не могла не сознавать свое племенное родство с другими примыкавшими к ней славянами; сношения с иноплеменными народами необходимо приводили ее к этому сознанию. Но у нас вопрос идет о названии, которым себя отличал тот или другой народ. Сознанию общего родства всех славянских племен и обобщению слова *славянский*

язык более всего помогла славянская письменность, распространившаяся вместе с христианством.

Название *славяне*, кроме обширного смысла, имело, так же как русь, и более тесный смысл: оно означало у нас по преимуществу новгородцев. Об этом не один раз свидетельствует наша летопись. Например: «Поя же множество варяг и словен, и чюди и кривичи». Если бы понять здесь слово *славяне* в смысле славян вообще, то кривичи оказались бы не славяне. Неопределенность и изменчивость этнографических терминов составляет общую черту исторических источников древних и средневековых, начиная с Геродота и Тацита. Одно и то же имя не только в разные эпохи, но и в одну и ту же эпоху употреблялось часто то в обширном (родовом), то в тесном (видовом) значении. Эта черта произвела, как известно, большую запутанность и породила множество недоразумений, которыми историческая наука страдает до сих пор и от которых она освобождается весьма постепенно.

Итак, Константин Багрянородный различает русь от славян потому, что она сама отличала себя от подчиненных племен и особенно этим названием разнилась от славян северных или новгородских. А последние в свою очередь отличали себя от своих южных соплеменников. В этом смысле только и можно понять выражение Русской Правды, где стоят рядом *русин* и *словенин*, то есть: южанин и северянин или киевлянин и новгородец. Возьмем «Вопросы Кирика епископу Нифонту» – новгородский памятник XII века. Там говорится, что болгарину, половчину и чудину перед крещением полагается 40 дней поста, а *словенину* – 8 дней. Тут новгородец сам называет себя словенином, а не русином. Это различие, повторяем, отразилось и в иноземных известиях. Константин Багрянородный именует Новгород *внешнею Русью* (ηὲξω Ρωσσία). Арабские известия иногда называют его *Славия*. Южане разнились от северян не одним названием; они, по всей вероятности, отличались и наречием, и особенно произношением. Впрочем, какому именно племени принадлежали так называемые славянские имена порогов, славянам северным или еще более южным, чем Киевская Русь, решить пока не беремся⁶.

⁶ Вероятное решение этого частного вопроса предложено много ниже; после исследования о народности болгар я пришел к заключению, что славянские названия порогов принадлежат наречию славяно-болгарскому.

III. Личные имена. Известия арабов

Перед нами довольно длинный ряд русских личных имен, сохраненных договорами Олега и Игоря⁷. На эти имена в соединении с так называемыми русскими названиями порогов и вообще с первыми именами нашей истории норманнская система опирается, как на каменные столбы. Но они совсем не так прочны, как кажутся. Мы не будем разбирать каждое имя (норманисты только часть этих имен приводят в параллель со скандинавскими). Достаточно будет нескольких примеров, чтобы указать натяжки норманистов и их явное пристрастие в пользу скандинавов.

Возьмем имя *Карлы*. С первого взгляда оно может показаться немецким. Но напрасно вы думаете, что это имя исключительно принадлежало немцам; оно, без сомнения, употреблялось и у славян. Иначе откуда же наше *карло* с его уменьшительным *карлик*? Притом оно тут же встречается в другой форме *Кары*; следовательно, *л* есть не коренной звук, а вставной (известно, что это у нас одна из обычных вставочных букв: Скуратов – Скурлатов). Следовательно, корень здесь *кар*, а остальное вариировалось, как это случается и с другими именами: *Карлы*, *Каран* или *Карн* (который, кстати, тут есть), *Карачун*, *Оттокар*, и т. п. Далее, *Инегельд*, другая его форма, тут же присутствующая, *Иггивлад*, *Влад* – это было одною из любимых составных частей в славянских именах. *Веремуд* или *Велемуд* звучит по-славянски, точно так же: *Стемид*, *Улеб* или *Олеб*, *Прастен* (с его вариантами *Фрастен* и *Фурстен*), *Бойко*, *Синко* (конечно, уменьшительные от *Вой*, *Воин* и *Син*, *Синеус* или *Синав*), *Сфирка* (тоже уменьшительное. Напомним реку Свирь. Другая его форма не была ли *Сирко* или *Серко*? Напомним имя *Горясер*). *Борич*, конечно, уменьшительное от *Борко* (*Боричев* взвоз в Киеве). *Гуды*, *Слуды* и *Моны*, подобно *Карлы*, своим окончанием на *ы*, без сомнения, соответствуют духу древнерусского или вообще славянского языка гораздо более, чем скандинавского (*любы*, *церкы*, *свекры* и пр.); с тем же окончанием потом в летописи встречается имя *Гуки*. (От *Гуды* должна быть другая форма *Гудин* или *Годин*; напомним *Ивана Годиновича* русских песен.) *Турбид*, по всей вероятности, собственно *Турвид* или *Туровит*; окончание *вид* или *вит* – самое славянское из славянских (это наше *вич*). Но если мы и оставим *бид*, окончание это также не теряет своего славянского характера (*беда* или *бида*; кроме того, у нас есть фамилия *Турбиных*). А первая половина имени *Тур* получила в славянском языке весьма разнообразное приложение. Напомним только *Буй-тура* Всеволода из «Слова о полку Игореве». Древнейшая его форма была *Гыр* или *Тыр*. *Тур* встречается здесь еще в другом имени, *Турберк*. *Берн* как имя присутствует тут же и в простом виде, без соединения с другим словом, и опять в соединении (*Шихберн*). Это имя тоже славянское; напомним русского боярина *Берна*, упомянутого под 1072 годом, также город *Верно*, в онемеченной форме *Брюн*. Но форма *Брюн* или *Брун*, вероятно, также употреблялась и у славян; чему свидетель стоящее тут же имя *Бруны*, с окончанием на *ы*.

Упомянутая форма *Тыр* также есть здесь в имени *Стыр* или *Стыр*. Припомним точно такие же имена славянских героев: *Тыр* у *Козьмы Пращского*, *Стыр* у *Дали-Мила* и *Ставра* наших былин. Тут же в договоре *Игоря* есть и дальнейший вариант этого имени: *Истыр* или

⁷ Выписываем эти имена буквально, то есть не изменяя и тех, которые стоят в родительном падеже мужского или женского рода. В договоре *Олега*: *Карлы*, *Инегельд*, *Фарлоф*, *Веремуд*, *Рулав*, *Гуды*, *Руалд*, *Карн*, *Фрелав*, *Рюар*, *Актеву*, *Труан*, *Лидульфост*, *Стемид*. В договоре *Игоря*: *Ивор*, *Вуефаст*, *Святославль*, *Искусеви Ольги*, *Слуды*, *Улеб*, *Володиславль*, *Каницар*, *Передславин*, *Шихберн*, *Сфандр* жены *Улебле*, *Прастен*, *Турдуви*, *Либнар*, *Фастов*, *Грим*, *Сфирьков*, *Прастен*, *Акун*, *Кары*, *Тудков*, *Каршев*, *Турдов*, *Егриевлисков*, *Войков*, *Истр*, *Аминодов*, *Бернов*, *Явтяг*, *Гунарев*, *Шибрид*, *Алдан*, *Кол-Клеков*, *Стегтийетонов*, *Сфирка*, *Алвад*, *Гудов*, *Фудри*, *Туадов*, *Мутур*, *Оутин*, *купец*, *Адун*, *Адулб*, *Иггивад*, *Олеб*, *Фрутан*, *Гомол*, *Куци*, *Емиг*, *Турбид*, *Фурстен*, *Бруны*, *Роалд*, *Гунастр*, *Фрастен*, *Игельд*, *Турберн*, *Моны*, *Свен*, *Стыр*, *Алдан*, *Тилена*, *Пубыинксарь*, *Вузлев*, *Синко*, *Борич*.

*Истр*⁸. Присутствие того же слова мы узнаем и в имени *Гунастр*; а *Гун* находим еще в имени *Гунарев*, конечно, родительный падеж от *Гунарь*. *Гуня* – это имя встречаем на Украине еще в XVII веке. *Грим* и доселе в малорусском языке значит «гром». (В «Слове о полку Игореве» *гримлют* сабли; у чехов и лужичан *гримати* вместо *гредить*.) А *Гомол*, конечно, живет в малороссийской фамилии *Гомолеев*. В имени *Вуефаст* мы видим славянское *Буй* или *Бой*, изменявшееся в *Вуй* или *Вей* (Буривой и т. п.), а форма *фаст* несколько нам не чуждая; с придыханием это *хваст*, откуда наше *хвастун*, откуда город Фастов или Хвастов. Кроме *Святослава* встречаем в договоре Игоря еще *Владислава* и *Предиславу*.

Мы указали более 20 имен из договоров Олега и Игоря. Надеемся, этих примеров весьма достаточно, чтобы убедиться в несостоятельности норманистов, которые хотели непременно сделать из *Ингивлад* скандинавское *Ингвальд*, из *Улеб*, *Ульф* или *Олаф* и т. п. Мы не говорим о неизбежных искажениях, в которых дошли до нас эти отголоски нашей далекой старины; многие имена неточно переписывались, так что при чтении их может быть разногласие – чем, конечно, пользовались отрицатели их славянства, – а некоторых совсем нельзя понять. Можем ли при этом забывать родство языков славяно-литовских с германскими? В начале X века это родство было гораздо ближе, чем в наше время. Особенно долго оно сохраняется в личных именах. Чтобы наглядно убедиться в том, стоит только заглянуть в параллели личных имен у Шафарика. Даже кельтские имена еще очень близки. Но сам Шафарик не узнал славян в нашей руси, к сожалению, он был увлечен кажущейся стройностью скандинавской системы.

Если от договоров Олега и Игоря обратимся к летописным именам наших первых князей и их дружинников, то придется повторять то же самое. Почему, например, Рюрик есть исключительно скандинавское имя? Оно могло быть уменьшительным от Рюар, которое встречается в Игоровом договоре. Вообще имена на *рик* или *рих* почему-то считаются немецкими; действительно, они в большем количестве встречаются у немцев, но были и у славян (напр., *Ольдрих*), Аскольд, почему опять это скандинавский Аскель? У нас есть река Оскол; неужели она названа так скандинавами?⁹ Форма *ольд* несколько не чужда славянскому языку, мы только что называли Ольдриха. Это *ольд* могло быть сокращение из *влад*, *волод*; полная форма Ольдриха могла быть *Володарик*, то есть уменьшительное от *Володарь*. Возьмем также нашего *Рогвольда*: будто он должен быть скандинавским Рангвальдом. Но в летописях встречается его полная форма, то есть *Рогволод*. *Рог* было также славянским именем; напомним из летописи новгородца Гюряту Роговича (также Рогдая-богатыря). *Дир* – это, говорят нам, скандинавское Тир, женское Дирва. К чему скандинавское Тир, когда у нас есть свой *Тыр* или *Тырь*, о котором мы уже говорили? Замечательно, что это имя, так же как имя Аскольда, связано с названиями южнорусских рек: *Тыр* (то есть Днестр), *Стыр*, *Тор*, *Терек* (уменьшительное от *Тыр*) и т. д. Вообще в мире языческом удивительным образом переплетаются между собою имена мифологические, географические, народные и личные. Так имя *Тыр* со своими видоизменениями (*Тур*, *Туре*, *Тор*, *Тавр* и пр.) получило весьма обширное приложение в целом индоевропейском мире. Между тем как слово *Карл* у славян сохранилось в значении карлика и короля, *Тыр* удержало значение исполина; оно сохраняется в нашем слове *богатырь* (которое есть чисто славянское и несколько не татарское).

⁸ Прошу покорнейше обратить внимание на эти последние слова, особенно на форму *Тыр*. Она дает нам ключ к уразумению названий рек Истра и Тыра, или Тора. Корень у обоих тот же, и это еще очевиднее, если обратить внимание на то, что греческое слово *Тугас* в латинской передаче является *Dana-ister* или *Dana-ster* наш *Днестр*. Напомним также наши реки *Стырь* на Волыни и *Истру* Московской губернии и древнеславянского бога – *Стыря* или *Стрибога*. Как *Истр* было имя и реки и лица, так точно и Дунай. Боярин Дунай встречается на Волыни в XIII веке.

⁹ Оскол мог иметь ту же полную форму на *ольд*, то есть Осколод или Аскольд, подобно тому как теперь река Яцольда. Да и самая Яцольда или Ясельда, если взять в расчет белорусское произношение, может оказаться видоизменением Окольды или Аскольды.

Далее: *Лют*, столь славянское имя (Людек Люторов, Лютогаст, Лютомир и пр.), норманисты переделали в *Liotr*, Блуд в *Blotr* и т. п.¹⁰ Олег и Игорь гораздо более присущи русской истории, чем скандинавской. Они принадлежали к наиболее любимым русским именам. Если они не славянские, то как же, вместе с разными *славями*, они удерживались между князьями в XII и XIII веках (Олега находим даже в XIV)? Между тем как руссы, по словам самих же норманистов, ославянились еще к началу XI века. Не спорим, что между именами русских дружинников могут встретиться и чисто норманнские имена, принадлежавшие варягам-иноземцам, и не одни норманнские, а также угорские, литовские и других соседних народов. Мы знаем, что наши князья охотно принимали в свою службу иноземных витязей. Но от того дружина все-таки не теряла своего русского характера. В дружине Игоря, например, встречается Явтяг, то есть Ятвяг, который своим именем указывает и на свое происхождение. А к какому народу вы отнесете такие имена договора, как Каршев, Куци (купцы?), Емиг, Тилена, Вузлев, Пубинксарь и т. п.? Разве они похожи сколько-нибудь на скандинавские?

Норманисты отнимают у славян не одни личные имена. Они усиливались доказывать, будто скандинавское влияние отразилось и вообще в нашем языке, по крайней мере в словах из государственного быта. Таким образом: *боярин*, *гридин*, *метельник*, *паломник*, *вира*, *вервь* и мн. др. оказались не славянскими, а германскими. В прошлом столетии, когда построено здание скандинавской теории, понятны ошибочные филологические приемы ее основателей; наука сравнительной филологии и археологии почти не существовала, и потому при всей своей эрудиции и добросовестности научные деятели, о которых идет речь, могли сделать несколько ошибочных выводов. В наше время странно было бы настаивать на этих выводах, хотя бы и в уважение к заслугам таких деятелей, как Байер, Стриттер, Шлецер и Карамзин.

Вернемся еще раз к договорам Олега и Игоря. По расчетам норманистов, русь, пришедшая во второй половине IX века, ославянилась приблизительно к началу XI века, да ранее невозможно было бы и требовать. Мы уже заметили, что русь по договору Олега, то есть в начале X века, исповедует, однако, ту же религию, какую исповедовали восточные славяне, то есть поклонялась Перуну и Волосу. Тот же вывод можно сделать и о языке. Если славянский текст договоров принадлежит ко времени самих договоров (а норманисты этого не отвергают), то ясно, что русь уже в начале X века употребляла славяно-русский язык и славянскую письменность. А если язык и религия у нее были славянские, то вопрос: что же оставалось у нее скандинавского и как успела она ославяниться в несколько лет? Вообще норманнская школа относит введение славянской письменности ко времени Владимира Святого; что опять-таки противоречит существованию письменных договоров при Олеге и Игоре. Точно так же норманисты и начало христианства в России приписывают пришлым скандинавским князьям; тогда как по всем признакам христианство существовало у нас еще прежде этого мнимого пришествия. На Руси оно утвердилось ранее, чем в Скандинавии; что совершенно естественно при исконном соседстве южнорусских славян с византийскими областями на северных берегах Черного моря. Нет сомнения, что крещение Владимира Святого есть только последний акт продолжительной борьбы с русским язычеством, окончательная над ним победа. Вместе с тем это была решительная победа византизма над латинством, которое также по всем признакам уже работало не в одной Польше, но и в России. Если бы русь была не туземным, славянским народом, а пришла из Скандинавии, то

¹⁰ Миклошич в своем сочинении: «Die Bildung der Orstnamen aus Personennamen im Slavischen» (Wien, 1864) по примеру Куника отрицает существование имени Блуд у славян, хотя кроме руси оно было и у чехов (см. о том Микуцкого «Замеч. о Лето-Славянском языке», в Записк. Георг. общ. по отд. Этнографии I. 607). Имя посла *Лидульфост*, может быть, есть испорченное *Людогост*. На существование последнего имени указывает новгородская улица *Людгоща*. О том, что Грим действительно было славянское имя, ниже доказывается именами: княжны Гримиславы, Гримка и фамилией Гримайло. Относительно *Борич* ниже я указываю, что надобно читать *бирич*, то есть название должности.

сомнительно, чтобы она выразила к восточному обряду более симпатии, чем к западному. Но вопрос о начале нашего христианства сам по себе весьма сложный и также затемненный легендами. Норманнская школа почти ничего не сделала для его разъяснения; она обошла относящиеся сюда противоречивые свидетельства и предпочла держаться летописной легенды, так как эта легенда более согласуется с мнимым призванием варягов, чем свидетельства византийские и западные.

Обратимся теперь к восточным, или арабским, известиям IX и X веков. Они еще менее, чем византийские, представляют данных в пользу скандинавской системы; однако норманисты сумели и их повернуть в свою пользу. Приемы, употребленные для этой цели, весьма просты. Норманисты преспокойно относят к скандинавам все то, что арабы рассказывают о руссах. Арабы (Ибн Фадлан) говорят, что руссы были высокого роста, стройны, светлорусы, носили короткую одежду, секиры, широкие обоюдоострые мечи с волнообразным лезвием и любили выпить. Но так как скандинавы тоже были высокий, стройный и белокурый народ, носивший короткую одежду, мечи, секиры и употреблявший горячительные напитки, то ясно, что руссы пришли из Скандинавии, заключают норманисты. В наше время уже достаточно убедились, как шатки этнографические выводы, основанные на общих фразах о наружности и обычаях, и как часто сходные наружные признаки и обычаи можно встретить у разных народов. Но и тут, если внимательно разобрать описание руссов у Ибн Фадлана, некоторые важные черты нравов указывают именно на славян, а не на скандинавов. Таковы религиозные обряды при погребении и особенно сожжение одной из жен вместе с покойником. На последний обычай западные источники указывают как на характеристическую черту славян; русский летописец прибавляет, что то же самое делалось еще и в его время у вятичей. Ибн Фадлан говорит о разделении имущества покойного на три части, из которых одна идет на погребальное пиршество, и это известие совершенно удовлетворительно объясняет происхождение славянского слова *тризна*, которым обозначалось погребальное пиршество, или поминки. Далее, высокий рост и русые волосы несколько не составляли отличительные признаки норманнов; они в той же мере принадлежали и славянам. Поиски в северных могилах показывают, что волнообразные обоюдоострые мечи были весьма мало распространены между скандинавами. Итак, перебирая все известия арабов, окажется, что в них нет ни одной черты, которую можно бы отнести по преимуществу к скандинавам. Но вот что можно вывести из них как положительный факт: уже во второй половине IX и в первой половине X века арабы знали русь как многочисленный, сильный народ, имевший соседями болгар, хазар и печенегов, торговавший на Волге и в Византии. Нигде нет и малейшего намека на то, чтобы русь они считали не туземным, а пришлым народом. Эти известия совершенно согласуются с походами руссов на Каспийское море в первой половине X века, с походами, которые были предприняты в числе нескольких десятков тысяч воинов.

Арабские писатели, говоря о Восточной Европе, ставят рядом имена *славяне* (саклаб) и *русь* и, следовательно, как будто подтверждают мнение о том, что русь — народ, отличный от славян. Но тут мы должны повторить то же, что говорили о Константине Багрянородном. От арабов еще менее можно требовать, чем от византийцев, чтобы они верно различали видовые названия от родовых и всегда употребляли точные этнографические термины. Например, турки в арабских известиях являются иногда славянским племенем. Вообще, арабы подтверждают то положение, что большая часть восточных славян отличала себя пред иноземцами именем руси, а имя славян по преимуществу оставалось за славянами дунайскими (и новгородскими). Но встречаются некоторые места, из которых видно, что арабы знали о племенном родстве руси и славян. Так, Ибн Хордадбех (в IX веке), говоря о русских купцах, прибавляет: «Они же суть племя из славян». Эти купцы у него ходят в хазарскую столицу по *реке славян*, то есть по Волге. Вообще, в известиях арабов славяне и русь являются неразлучными. В Итиле они занимают одну и ту же часть города, те и другие сжигают своих покой-

ников вместе с одной из жен (Масуди). Норманисты вместе с летописною басней верят в пришествие из скандинавии Аскольда и Дира как неких искателей приключений; но Масуди (в первой половине X века) знает одного из славянских царей, Дира, который владеет многими странами и обширными городами.

Масуди, так же как и прочие арабские писатели, приурочивает Русь преимущественно к берегам Черного и Азовского морей; он говорит, что море Нейтас есть русское море и что никто, кроме руссов, по нему не плавает (мы думаем, что тут разумеется по преимуществу море Азовское), что они образуют великий народ, не подчиняющийся ни царю, ни закону; что они разделяются на многие народы и пр. Нельзя, конечно, везде принимать эти слова в буквальном смысле, но в общих чертах эти известия справедливы. Например, что руссы не подчиняются ни царю, ни закону, с арабской точки зрения значит то, что руссы тогда не имели политического единства, то есть были раздроблены на многие независимые племена; что довольно верно относительно восточных славян в первой половине X века. Их объединение принадлежит позднему времени и совершилось совсем не так быстро, как об этом рассказывает наша летопись. Арабские известия о руссах на берегах Черного и Азовского морей и на Волге вполне подтверждают мнение некоторых ученых о существовании кроме Днепровской руси еще руси Черноморской. Существование Азовско-Черноморской руси действительно объясняет нам многое доселе непонятное, как то: византийских тавроскифов (по нашему крайнему разумению, это собственно тыроскифы, то есть то же самое, что славянские тиревцы или тиверцы), происхождение *русского* Тмутараканского княжества, ту роль, которую играл Корсун в начальной русской истории и особенно в истории нашего христианства и т. д. Но как ко всему этому отнеслись норманисты? Все, что прямо противоречит их теории в арабских известиях, то неверно и ошибочно. Что сообщается темно и запутанно, истолковывается в пользу возлюбленных скандинавов. Наконец, явные ошибки и недоразумения являлись у них положительными фактами. В последнем случае я разумею пресловутое известие арабского географа Ахмеда аль-Катиба, жившего в Египте во второй половине IX века.

Аль-Катиб между прочим говорит, что в 844 году язычники, *именуемые русью*, ворвались в Севилью, разграбили ее и опустошили. При первом знакомстве с его рукописью известный ориенталист Френ, один из столбов норманнской теории, указал на приведенные слова как на сильное подкрепление для этой теории, и они действительно были приняты за таковое остальными норманистами. А между тем при самом поверхностном взгляде на подобное известие можно было усомниться в его достоверности. Каким образом руссы попали в Севилью? Французский ориенталист Рено весьма правдоподобно объясняет странное известие аль-Катиба превратными географическими представлениями арабов о Балтийском море. А именно: Масуди *полагал*, что это море есть рукав, соединяющий Черное и Азовское моря с Западным океаном, и что язычники, нападавшие на Испанию, вероятно, были руссы, то есть руссы припонтийские, а не скандинавские, которых он совсем не знает. Аль-Катиб жил ранее Масуди, и неизвестно, точно ли упомянутые слова, найденные в его сочинении, принадлежат ему самому. Очень может быть, что они вставлены позднейшим переписчиком, который был знаком с сочинением Масуди и его предположение передал как положительный факт. Какое бы ни было происхождение этого странного известия, во всяком случае, оно не заслуживает никакой веры. Латинские летописцы, перечислявшие нападения скандинавов на Западную Европу, говорят обыкновенно о норманнах и совсем не знают скандинавской руси. И конечно, если б она существовала, то была бы им известна.

IV. Известия западные. Угорская Русь. Греческий путь

Перейдем теперь к двум западным источникам, которые находились в числе главных опор скандинавской теории. Мы говорим о Бертинских летописях и епископе Лиутпранде. Напомним сущность известий о руси Бертинских летописей. «В 839 году Византийский император Феофил отправил посольство к императору Людовику Благочестивому. При этом посольстве находилось несколько человек, которые называли себя Россами: они были посланы в Константинополь для изъявления дружбы от своего князя, который именовался Хаканом. Феофил в письме к Людовику просит дать средство этим людям отправиться домой, так как возвращаться тем же путем, каким они пришли в Константинополь, было опасно по причине жестоких и варварских народов. Император Людовик расспросил о причинах пришествия этих людей; нашел, что они из племени свеонов и, заподозрив в них шпионство, велел задержать их до тех пор, пока в точности не объяснится, с какими намерениями они пришли». Норманисты, как и следовало ожидать, мнение Людовика о том, что пришедшие люди были из племени шведов, приняли за положительный факт, а слово Хакан обратили в Гакон. Противники норманистов совершенно справедливо указали на существование древнерусского титула хакана, или кагана. Так, митрополит Иларион в своем похвальном слове Владимиру Святому называет его *коганом*. Этот титул встречается и в «Слове о полку Игореве». Ясно, что в Бертинских летописях идет речь о нарицательном хакане, а не о собственном имени Гакон. Относительно слов «из племени свеонов» некоторые антинорманисты пришли к такому толкованию. Они допускают, что пришельцы были действительно родом шведы, но находившиеся на службе у киевского князя. Мы думаем, что это натяжка. Во-первых, если б они были шведы, то почему стали бы называть себя руссами, а не шведами. Во-вторых, самый текст летописей не говорит ясно и положительно о шведском происхождении. Так как в то время уже начались нападения норманнов на берега Франции, то, естественно, франкский двор, мало знакомый с севером и востоком Европы, отнесся подозрительно к этим пришельцам. Притом, как основательно заметил один из антинорманистов (Нейман), не видим главного в отрывочном известии Бертинских летописей: чем кончилось дело, то есть подтвердилось ли, что это были шведы? Мы с своей стороны предложим еще вопрос: если тут нет ошибки, то в каком смысле принимать здесь название свеонов? В первой половине IX века это название исключительно принадлежало обитателям настоящей Швеции или употреблялось еще и для обитателей южного Балтийского поморья (откуда вышли и сами шведы)? Разве оно не могло обнимать не одни только германские племена, но и некоторые славянские? Мы знаем, что славянские и германские народы нередко являются под одним и тем же именем или под именами, происшедшими от того же корня. Например: имя англы есть то же, что наше онглы, или угличи, а немецкие туринги то же, что славянские туричи (переделанное в тиверцы). Впоследствии у одного народа подобное название утрачивается, у другого сохраняется. Если не взять в расчет это обстоятельство, то на основании сходных имен, пожалуй, можно доказывать, что англичане славянского происхождения. Могла быть также просто ошибка или у автора в рукописи, то есть вместо *Slavorum* или *Sclavorum*? И не такие ошибки можно встречать в источниках. Напомним Льва Диякона, который наших *древлян* называет *германцами*.

Таким образом известие Бертинских летописей, служившее сильною опорой норманистам, по нашему мнению, обращается в одно из многих доказательств против их теории. Что можно извлечь из них положительного, так это существование русского княжества в России в первой половине IX века, то есть до так называемого призвания варягов. А русское посольство к императору Феофилу указывает на ранние сношения Руси с Византией и, следовательно, подтверждает упомянутые нами намеки на эти сношения в беседах Фотия. А

если посольство не решалось возвращаться прежнею дорогой, то мало ли какие причины оно могло для того иметь. Наконец, почему не допустить буквального смысла летописей, то есть опасности от варварских народов (угры, хазары и т. п.), с которыми Русь в то время могла находиться во враждебных отношениях?

Мы уже заметили выше, какую шаткую основу для точных этнографических выводов представляют иногда народные имена, если судить о них по первому взгляду, не принимая в расчет много различных видоизменений, которым они подвергались. Весьма часто народное имя или прозвание имеет за собой длинную и запутанную историю, так что очень трудно добраться до его происхождения и первоначального смысла. К такого рода случаям я отношу название руоци, или руотсы (ruotsi), под которым шведы известны у финнов. Норманисты из этого названия сделали свое обычное заключение: финны называют шведов руссами; следовательно, наша русь пришла из Швеции. Но, во-первых, не доказано, чтобы руотсы означали то же, что руссы; а во-вторых, название руссов встречается и помимо нашей собственной руси. На южном берегу Балтийского моря мы также находим в Средние века русь (неман), пруссов, рузию или русцию, рутенов, руян или ругиан, и т. п. Все эти названия имеют между собою тесную филологическую связь, но нисколько не означают колонистов из Южной Руси на берега Балтийского моря или наоборот. Если же объяснять колонистами (что и делает славянская школа, выводящая варягов-русь с Балтийского поморья), то полабские древяне окажутся колонистами из Волыни или, наоборот, фракийские друговиты колонистами полоцких дреговичей; поляки пойдут от киевских полян, или Киев (Куяба у арабов) от польских куявов, и т. п.; об англах и турингах мы уже говорили. А главное, надобно прежде объяснить самое слово *руотси*. Это слово нисколько не указывает на тождество шведов с нашею русью. Филологически никем не доказано, чтобы слова Руотси и Рось были тождество, а не созвучие¹¹.

Что касается до предполагаемой связи шведской провинции Рослагена или Родслагена и общества Rodhsin (гребцов) с нашею русью, от нее добросовестно отказались уже сами представители норманистов (после монографии г-на Геденова).

Епископ Кремонский Лиутпранд был два раза послом в Константинополе, во второй половине X века и упоминает о руссах два раза. В одном случае он говорит: «На севере от Константинополя живут угры, печенеги, хазары, руссы, *которых мы иначе называем нормданами*, и болгары, ближайшие соседи». В другом месте он вспоминает рассказ своего отчима о нападении Игоревой руси на Константинополь и прибавляет: «Это есть северный народ, который греки по наружному качеству называют руссами, а мы по положению их страны нормданами». Тут весь вопрос заключается в том: разумел ли Лиутпранд под именем норманнов только скандинавские народы, или он дает этому имени более обширный смысл, то есть относит сюда вообще народы северные? Примеры последнего встречаются и у других средневековых летописцев, и мы нисколько не колеблемся истолковать именно в этом смысле слова Лиутпранда. Если же принять слово «норманны» в смысле скандинавов, то что же выходит? Оказывается, что руссы, поселившиеся на Днепре, все еще продолжают называться норманнами или скандинавами, хотя уже прошло сто лет со времени их предполагаемого выхода из Скандинавии (Лиутпранд выражается тут прямо о своем времени: *Nos vera vocamus*). Если же Лиутпранд подразумевал собственно скандинавское происхождение руси, то кто ему мешал прямо указать на него, а не выражаться неопределенными терминами? Но дело в том, что он говорит только о положении страны. Он прямо помещает рус-

¹¹ Названия отдельных предметов могут иногда вводить в такое же заблуждение, как и названия народов. Например: чего проще, как Корсунские врата Новгородской Софии производить из города Корсуна? К названию присоединялись и другие обстоятельства: завоевание Корсуна Владимиром Святым и вывоз оттуда русскими некоторых художественных произведений. Действительно, и в древней, и в новой России эти врата производили из Корсуна, пока точные исследования Аделунга не убедили в том, что они не греческой, а западной, или латинской, работы.

сов в соседство угров, печенегов, хазар и болгар, что совершенно соответствует положению приднепровской руси и было бы весьма несогласно с понятием о Скандинавии¹².

Мы видели, что арабские известия второй половины IX века говорят о руссах как о сильном, многочисленном народе, пределы которого на юго-востоке теряются где-то в странах приволжских и прикаспийских. Если обратимся на юго-запад, и здесь его пределы не только простираются до Карпат, но и переходят за них. Галицкая, или Червонная, Русь, по летописи, только при Владимире Святом примкнула к общему составу Руси. Вскоре она переходит в руки поляков. Впоследствии опять возвращается к русским князьям; а в XIV веке снова и надолго отходит к Польше, и от нее уже не возвращается к России, а поступает во владение Габсбургов. Невольно представляется вопрос: когда же название *русь*, *русин* успело так глубоко вкорениться в Галиции, если бы было принесено горстью выходцев из Скандинавии? Галицкий народ постоянно и до сих пор отличает себя названием русского от других славян. При польском владычестве из всех русских областей, соединенных с Литвой и Польшей, Галицкое воеводство носит название *Русского* по преимуществу. Галиция все-таки хоть сравнительно недолго принадлежала дому Игоревичей. Но что такое русь Закарпатская, или Угорская? Когда она поселилась там, положительных сведений о том нет. Венгерские летописцы говорят, что она пришла в Паннонию еще вместе с венграми. А норманисты утверждают, что летописцы лгут и что это должно быть русские беглецы времен татарского нашествия, то есть относят начало Угорской руси к XIII веку. Действительно, венгерские летописцы не отличаются правдивостью; однако они нередко говорят и правду. Возможно, что русское племя обитало в Карпатах и под Карпатами еще прежде угров, то есть оно было там старожилами. Вся Карпатская русь есть живой протест против норманистов, и потому они вооружаются на нее всеми силами. Так, они возражают, что по нашей летописи Карпатская область была населена племенем хорватов и, следовательно, летописцы наши отличали ее от руси; что хорваты по большей части выселились в Иллирию и остатки их потом подчинены русскими при князьях Рюрикова дома. Против этого мы напомним то, что говорили о разных объемах, которые принимало название «русь». И кривичей, и волынян летописцы отличают от руси-полян, однако это не мешало им сознавать себя русским народом. Название Рось или Русь было одним из любимых и наиболее распространенных славянских названий, и потому нет ничего удивительного, что оно в Северной Венгрии древнее пришествия угров. То же название, только в другой форме, распространялось и на значительную часть Паннонии; мы говорим о *Ругии*, у немцев *Rugiland*. *Ругия* – это, по всей вероятности, одно из многих видоизменений слова *Русь* или *Русия*. Так, в латинских летописях мы находим название нашей Ольги *regina Rugorum* (что не мешало носить имя ругов и некоторой части немцев; опять напомним англов и угличей, а также славянских руян или ругиан на Балтийском море). Итак, Угорскую и Карпатскую русь весьма трудно связать со скандинавскими выходцами. Она могла когда-то называться и хорватами, что не мешало ей быть в то же время русью в обширном смысле, подобно нашим кривичам. И имя это едва ли означает горцев, то есть не происходит от слова *грьб* – *горб* или *хрьб* – *хребет*. Подобные объяснения суть только попытки осмыслить названия, смысл которых давно затерялся. Примеров неудачного осмысливания очень много. Так, название *немцы* до сих пор производят от *немой*. Но возможное ли дело, чтобы славяне называли своих исконных соседей и когда-то соплеменников для себя непонятными, то есть немцами? Название немцы очень древнее и напоминает германских неметов у Тацита (на что уже указывали некоторые ученые и прежде, но

¹² Сведения свои о руссах Лиутпранд почерпнул у византийцев, и его название их норманами есть просто перевод византийского понятия о руси как о народе северном и даже надсеверном, или «гиперборейском». Например, Никита Хониат выражается о руси так: «Которых называют и скифами гиперборейскими» (168. Бон. изд.).

тщетно). Славянское «немцы» представляет аналогию с французским *allemands*: имя одного народа перенесено на целое племя. (Название реки Неман может быть того же корня.)

Норманисты изошрялись доказать, что и название «русин» в Угрии означает собственно не человека русского племени, а человека русской веры. В подтверждение этого мнения приводился разговор вроде следующего: «Кто ты такой?» – «Русин (или руснак)». – «Какой ты веры?» – «Русской». – «А в какой земле ты живешь?» – «В Угорщине». Отсюда делался прямой вывод: сам народ считает свою землю угорскою, а не русскою, следовательно, он пришел сюда после угров, а русином называет себя в смысле униата или православного. Но в таком случае, например, прусские поляки, отвечающие, что они живут в Пруссии или в Неметчине, или некоторые западноруссы, говорившие, что они живут в Польше и т. п., все это будут не исконные обитатели края, а колонисты?

Норманнская школа обыкновенно представляла варягов, приходивших из Скандинавии, свободно разгуливающими на своих лодках по главным речным путям России вдоль и поперек ее то в качестве торговцев, то в качестве пиратов. До сих пор почти никто не обращал серьезного внимания на это представление. Разве Россия была необитаемая пустыня или обитаема только слабыми племенами дикарей? На западе мы видим, что норманны иногда устьями рек врывались внутрь страны. Но эти походы нельзя и сравнивать с таким продолжительным и многотрудным путем, каков был так называемый Греческий путь из Балтийского моря по Волхову, Ловати и Днепру в Черное. На этом пути мы видим по тому времени довольно густое население и укрепленные города. Если варяги и плавали по нему, то не иначе как при мирных, дружественных отношениях с туземными державцами и общинами. На походы скандинавов в Константинополь большими массами нет решительно никаких указаний. Да подобные походы едва ли были возможны даже помимо помехи со стороны населения: кроме громадного протяжения пути они должны были встречать препятствия естественные. Между Днепром и Ловатью лежит поперечный бассейн Западной Двины; следовательно, надобно было перейти два волока. Притом гораздо короче был другой путь «из варяг в греки», по Западной Двине; а Волхов и Нева представляли собой длинный крюк. Мы сомневаемся, чтобы лодки, поднимавшиеся из Балтийского моря по Двине или Волхову, действительно перетаскивались потом волоком до Днепра. Гораздо естественнее предположить, что торговцы должны были везти свои товары по этим волокам на телегах или, что вероятнее, зимой на санях и, достигши Днепра, пересаживались в лодки, которые они нанимали или покупали у туземцев. С нашим предположением вполне согласуется известие Константина Багрянородного о плавании русских караванов в Черное море: обитатели приднепровских областей в течение зимы рубили лодки-однодеревки; весной, во время разлития вод, сплавляли их в Днепр к Киеву; здесь торговцы покупали эти лодки, оснащивали их и снаряжали караваны. Из Константина Багрянородного мы знаем, с какими усилиями эти караваны проходили сквозь Днепровские пороги; но замечательно, что об их обратном плавании мы ничего не знаем. Рождается вопрос: каким образом они проходили против течения? Замечательно, что скандинавские саги, столь много рассказывающие о народах норманнов, совершенно молчат об их плавании по Днепру и его порогам. Точно так же молчат о том и западные летописцы. Адам Бременский замечает, что путь из Швеции в Византию по Русской земле был мало посещаем, по причине варварских народов, и что ему предпочитали плавание по Средиземному морю. Мы знаем, что варяги или норманны приходили в Киев, но приходили в качестве гостей или наемных дружинников. Есть примеры их путешествия из Киева в Константинополь, но только с позволения киевского князя. Известно, что Владимир Святой, утвердись в Киеве, сам отправил часть излишней варяжской дружины в Византию, и, конечно, на русских же лодках. Замечательно, что это был первый случай отправления варягов в Грецию из Руси; о более раннем не говорят никакие источники. О том, чтобы варяги могли пробиваться силой сквозь всю Русскую землю, не может быть и речи. Сами

русы, по замечанию Константина Багрянородного, могли предпринимать плавание в Черное море только в то время, когда были в мире с печенегами¹³.

Оба известия о Великом водном пути, Константина Багрянородного и нашей летописи, относятся к той эпохе, когда Северная и Южная Русь объединились под владычеством одного княжеского рода и, следовательно, плавание судов под покровительством князей могло довольно свободно совершаться от Ладожского озера до нижнего течения Днепра. Кратчайший путь из Балтийского моря в Черное по Западной Двине стоял на втором плане вследствие того значения, которое приобрел Новгород как торговый и отчасти политический центр.

Итак, повторяем, Великий водный, или Греческий, путь сделался довольно торною дорогой, собственно, со времени русских князей и в связи с их господством, а не прежде их водворения вдоль всей этой полосы. Почти то же мы должны сказать о связях между русью и *варягами-норманнами*. (Под этим именем разумею обитателей Скандинавии, Датских островов и южного Балтийского поморья.) Многие факты из X и XI веков убеждают нас, что связи эти действительно существовали. Мы видим наемные варяжские дружины в войсках русских князей и даже варяжский гарнизон в Новгороде. Видим иногда брачные и вообще родственные отношения Игоревичей с норманнскими конунгами. При дворе русских князей встречаются норманнские принцы и знатные люди; варяжские купцы или гости были нередки, особенно в Новгороде; в случаях нужды русские князья посылают нанимать варягов, а иногда сами ищут убежища у их конунгов. Одним словом, мы видим иногда довольно деятельные сношения. Но что же из этого? Следует ли отсюда, будто руссы пришли из Скандинавии? Нисколько. Подобные связи и сношения мы находим и с другими народами, как то: с греками, поляками, немцами, половцами и т. д. Замечательно, что скандинавские саги в общих чертах по поводу отношения норманнов и Руси сходятся с нашими летописями, за исключением басни о призвании варягов, которая самим скандинавам была неизвестна, так же как и другим средневековым источникам. Новые скандинавские историки тем не менее повторяют эту басню, но повторяют ее с нашего же голоса. Скандинавские саги не только не подтверждают басни о призвании или о завоевании Руси норманнами; напротив, они еще яснее, чем наши летописи, характеризуют ту роль, которую играли на Руси норманны в качестве наемных дружин: хорошее вознаграждение – вот что более всего тянуло к нам этих северных кондотьеров, и они торгуются с нашими князьями не хуже всяких других наемников. По всему видно, что великокняжеский киевский двор привлекал их своим богатством и блеском, каких им не приходилось видеть у себя на родине. Не из бедной, полудикой Скандинавии проникали тогда в Россию семена цивилизации, а разве наоборот, из Руси в Скандинавию. Южнорусские славяне со времен глубокой древности находились в сношениях с греческими припонтийскими колониями и от них, конечно, получили начатки своей гражданственности. В этом отношении они не были менее счастливы, чем германцы, жившие на границах Римского мира. Цветущее состояние русской гражданственности, открывающееся перед нами в XI и XII веках, не могло получить начало только со второй половины IX века, то есть со времени мнимого призвания варягов. Нет, такому цветущему состоянию предшествовал бесспорно долгий период постепенного развития¹⁴. Только убедившись в этой истине, мы оценим все значение варварского татарского ига в России: прошло четыре века

¹³ Варяги на собственных кораблях ходили не далее Ладоги, то есть Нижнего Волхова. На это указывает целый ряд фактов. Кроме торговых договоров Новгорода с Готландом о том свидетельствуют нападения шведов в 1164 и в 1317 годах (см. Новгородские летописи).

¹⁴ Уже покойный Артемьев в своей диссертации «Имели ли влияние варяги на славян?» (Казань, 1845) основательно доказал несправедливость байеро-шлецеровской школы, полагавшей, что варяги принесли цивилизацию в Россию; тогда как они сами были менее образованны, чем Киевская Русь.

со времени нашего освобождения, а наша гражданственность все еще значительно позади, тогда как в XII веке она немногим чем уступала немецкой и была едва ли не выше польской.

В русских летописях и в скандинавских сагах нашлось несколько сходных преданий. Например, о смерти Олега от своего коня, о взятии Коростена Ольгой при помощи воробьев и голубей, и пр. И вот еще доказательство скандинавского происхождения! Интересно при этом незамеченное норманистами обстоятельство, что русские саги, по-видимому, древнее исландских! Исландский рассказ о том, как Гаральд Смелый взял в Сицилии один город с помощью птиц, относит событие к половине XI века, а русская сага об Ольге и Коростене говорит о половине X века. Кто же у кого заимствовал предание? Вопрос еще более усложняется, если обратить внимание на восточные сказания, по которым войско Чингисхана таким же способом взяло один неприятельский город. Сходные мифические мотивы можно встречать и постоянно встречаются не только у родственных народов, но также у народов весьма отдаленных друг от друга. Между тем у нас есть целые ученые трактаты, толкующие о заимствовании русскими песен, сказок и пр. то с Востока, то с Запада. Остается только предположить, что и весь русский народ откуда-нибудь заимствован! Народ, который своею многочисленностью и своеобразным характером издавна поражал иноземцев. В половине XII века Матвей, епископ Краковский, выражается таким образом: «Русь это как бы особый мир; этот Русский народ своим бесчисленным множеством подобен звездам небесным» (см.: Белевский. Monumenta. II. С. 115 и 116).

V. Новгородский оттенок легенды о призвании князей

Откуда взялась легенда о призвании князей и о призвании именно из Скандинавии?

Известно, что средневековые летописи любили приписывать своим народам какое-нибудь отдаленное происхождение, и притом льстящее народному самолюбию. Например, франки выводили себя от Энеевых троян, бургунды – от римлян и т. п. Но самым обычным приемом было выводить народы из Скандинавии. Так, Иордан производил готов из Скандинавии и назвал эту страну *vagina gentium*. Павел Диакон производит оттуда же лангобардов. Видукинд сообщает мнение, которое оттуда же выводит и саксов. К готским народам некоторые летописцы причисляют вандалов, герулов, скиров, ругиев, бургундов и аланов (см. Мет. Рор. Стриттера. Т. I). Если принять Скандинавское происхождение готов, то выходит, что и эти все народы ведут свое начало из Скандинавии. Очевидно, происхождение из далекого полумифического острова Скандия приобрело особый почет, сделалось признаком какого-то благородства. Если принять в соображение, что сами скандинавы выводили своих предков с берегов Танаиса, то получим следующую несообразность. Готский народ успел из Южной России переселиться в Скандинавию, там размножиться, оттуда вернуться в Южную Россию и здесь уже с III века явиться господствующим народом. А между тем сама Скандинавия, эта воображаемая *vagina gentium*, извергавшая из своих пределов целые народные потоки, без сомнения, в первые века нашей эры была пустынною страной, изредка обитаемою финнами и лопарями, по берегам которой еще только зарождались германские колонии, приходившие с южного Балтийского поморья.

Этот столь распространенный обычай выводить своих предков из Скандинавии, по всей вероятности, отразился и в нашем летописном предании о выходе оттуда варяжской руси. Но, как мы видели, все убеждает нас в том, что отечество руси было не на севере, а на юге; что владычество свое она распространяла не с севера на юг, а, наоборот, с юга на север и что русь и варяги два различных народа: первые жили на юге, вторые – на севере. Сама летопись наша Черное море называет Русским, а Балтийское *Варяжским*; эти названия весьма наглядно указывают на географическое положение варягов и руси, и нет никакого моря, которое бы называлось Варяго-русским. Арабы тоже Черное море называют Русским; о Балтийском море они хотя имели темное представление, но все-таки связывали с ним название Варанк. Далее, русская летопись смешивает русь с варягами, собственно, в легенде о призвании князей; но почти во всех других случаях она различает русь от варягов и говорит о них как о разных народах. Русскою землею в летописи называется по преимуществу юг, а не север России; в XII веке князья под именем Руси разумеют обыкновенно Киевскую землю. Из всех славянских племен русь приводится в наиболее тесные отношения с полянами. Напомним опять выражение летописи: «Поляне яже ныне зовомая русь». Замечательно, что матерью русских городов назван Киев, а не Новгород¹⁵.

Начало русской истории приурочивает к Новгороду одна только легенда о призвании князей. «Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити» – вот какими словами начинается наша летопись. Тут говорится о Киеве, а не о Новгороде. Положительные хронологические данные также относят начало нашей

¹⁵ Обращаем внимание читателя на эту грамматическую неверность: Киев – мать, а не отец-город (на что указал и г-н Бессонов в примечаниях к его изданию белорусских песен). Народ не мог выразиться таким образом: он говорит «матушка Москва», «батюшка Питер», а не наоборот. Очевидно, это название не народное, а книжное, заимствованное от греков, то есть буквальный перевод слова *μητροπολις*. Византийские писатели прямо называют этим именем Киев. Например, у Киннама (236-я с. Боннского издания): «*μητροπολις τῷ εὐνεί τούτῳ*». Что под именем Руси разумелась в древний период преимущественно Киевская земля даже и у других южнорусских славян, весьма наглядный пример представляют известные слова Владимира Галицкого о киевском боярине Петре: «Поеха муж русский обймав вся волости».

истории к Киеву. Первый достоверный факт, внесенный в нашу летопись со слов византийцев, – это нападение руси на Константинополь в 864–865 годах, в царствование императора Михаила. Вот слова нашей летописи: «Наченшю Михаилу царствовати, начася прозываться Руска земля». Норманнская теория придала им тот смысл, будто именно с этого времени наше отечество стало называться Русью. Но внутренний, действительный смысл, согласный с положительными событиями, тот, что в царствование Михаила имя Руси впервые делается известным, собственно, впервые обращает на себя внимание вследствие нападения руссов на Константинополь. Может быть, наш летописец или его писатель и сам думал, что с тех пор Русь стала называться Русью. Заблуждение весьма естественное, и невозможно прилагать требования нашего времени к русским грамотным людям той эпохи, то есть ожидать от них эрудиции и критики своих источников. Например, могли ли они, читая византийцев, под именами скифов, сарматов и т. п. узнавать свою русь?

«Тем же отселе почнем и числа положим», – продолжает летопись. Это *отселе*, по отношению к русской истории, оказывается, первый год Михайлова царствования, который летопись полагает в 852 году. «А от первого лета Михайлова до первого лета Олгова, русскаго князя, лет 29; а от первого лета Олгова, понеже седе в Киеве, до первого лета Игорева лет 31; а от первого лета Игорева до первого лета Святославля лет 33» и т. д. В этом хронологическом перечне начало Руси ведется не от призвания варягов, а от той эпохи, когда Русь ясно, положительно отмечена византийскими историками. Затем хронист прямо переходит к Олегу. Где же Рюрик? И почему такое, по-видимому, замечательное лицо, родоначальник русских князей, не получил места в означенной хронологии? Мы в этом случае допускаем только одно объяснение, а именно: легенда о Рюрике и вообще о призвании князей занесена в летописный свод, чтобы дать какое-нибудь начало русской истории, и занесена первоначально без года; а впоследствии искусственно приурочена к 862 году¹⁶.

В настоящее время, после нескольких прекрасных трудов по вопросу о нашей летописи (Погодина, Сухомлинова, Срезневского, кн. Оболенского, Бестужева-Рюмина и др.), нет сомнения, что так называемая Несторова летопись в том виде, в каком она дошла до нас, есть собственно летописный свод, который нарастал постепенно и подвергался разным редакциям. С писатели, как оказывается, не всегда довольствовались буквальным воспроизведением оригинала; но часто прилагали и свою долю авторства; одно сокращали, другое распространяли; подновляли язык; вставляли от себя рассуждения, толкования и даже целые эпизоды. Не надобно при этом упускать из виду также и простые ошибки, описки, недоразумения (особенно при чтении подтительных слов) и пр. Известные слова мниха Лаврентия: «Оже ся где буду описал, или переписал, или не дописал, чтите исправливая Бога деля, а не кляните» – эти слова характеристичны. Мы думаем, что и мних Лаврентий хотя называет себя писателем, однако едва ли это слово можно приложить к нему в буквальном смысле. Вот отчего явилось такое разнообразие списков, что нельзя найти двух экземпляров совершенно сходных между собой.

Летописный свод дошел до нас в списках, которые не восходят ранее второй половины XIV века; от киевского периода не сохранилось рукописи ни одного летописного сборника. Своды, дошедшие до нас и заключающие начало нашей истории, принадлежат собственно Руси Северной, то есть Новгородско-Суздальской, а не Южной, и притом относятся к тому времени, когда летописная деятельность в Киеве уже прекратилась. Восстановить по ним начальную редакцию почти так же трудно, как по былинам Владимирова цикла восстановить картину Киевской Руси и придворно-княжеского или дружинного быта времен исторического Владимира; ибо эти былины точно так же дошли до нас при посредстве северной

¹⁶ Начальную хронологию Нестора сами норманисты находят ошибочною; а именно на это указывал прежде Круг и в наше время г-н Куник.

обработки и северной передачи; они окрасились в цвет, который имеет мало общего с древнею Киевскою Русью. В них более отражается единодержавная Московская Русь. Попытки некоторых исследователей отделить разнообразные слои в нашем летописном своде начались сравнительно недавно, и, несмотря на некоторые прекрасные результаты, остается еще обширное поле для деятелей; многие подробности еще ускользают от разъяснения. Некоторые имена вкладчиков в летописный свод и описателей уцелели случайно; а остальные потеряны навсегда.

Относительно порчи и перемен, которым подверглись наши начальные летописи, они представляют аналогию с богослужебными книгами. Известно, какие ошибки и вставки были в них открыты, когда началось их исправление и к каким важным последствиям они повели. А между тем богослужебные книги как предмет священный переписывались с большим тщанием и большею осторожностью, чем летописи; поэтому можно себе представить, как велика была порча последних; ибо для списателей и составителей сводов не было такой же сдержки. А когда началась ученая разработка русской истории, те рассказы, которые говорят о временах гораздо более древних, чем самые летописи, относились обыкновенно к народным преданиям. Мы нисколько не отвергаем преданий как одного из источников истории; но дело в том, что этим источником надобно пользоваться с величайшею осторожностью, и пока предание не выдержит строгой проверки по другим, более достоверным источникам, его никак нельзя возводить в исторический факт. Это во-первых; а во-вторых, еще вопрос: то, что мы иногда считаем народным преданием, действительно ли таковым может назваться? Можно немало найти примеров тому, как мнимо народные предания составились путем собственно книжным. Некоторые домыслы грамотеев, удачно пущенные в массу, впоследствии как бы принимают оттенок народных преданий, особенно если в них отражался какой-нибудь общий мотив, какое-либо повторявшееся явление, другими словами, если они попадали в соответственную среду. Для аналогии с этим явлением укажем на отношения многих апокрифических сказаний к Библии.

Столь прославленная легенда о призвании князей дошла до нас не в первоначальном своем виде. По всей вероятности, она была преобразована тем лицом, которое приложило некоторые старания к обработке Киевского свода, то есть придало ему некоторую систему. Хотя это сказание по возможности проводится и далее, то есть как бы согласуется с дальнейшими фактами; но по наивности и простоте литературных приемов летописцы не могли избежать противоречий как в этом случае, так и во многих других¹⁷.

Известно, что история каждого народа начинается мифами. Не будем говорить о народах Древнего мира; напомним более близкие к нам примеры, сказания о Пшемысле у чехов, о Кроке и Лешках у поляков и пр. Откуда главным образом берутся эти сказания? Из простой, естественной потребности объяснить свое начало, то есть начало своего народа и особенно своей государственной жизни.

Наша легенда о призвании князей из-за моря имеет все признаки сказочного свойства. Во-первых, три брата. Известно, что это число служит любимым сказочным мотивом не только у славян, но и у других народов. Еще у древних скифов, по известию Геродота, существовал миф об их происхождении от царя Таргитая и его троих сыновей: Арпаксая, Лейпаксая и Колаксая. В Средние века встречаем у славян миф о происхождении трех глав-

¹⁷ Для примера укажем на происхождение Переяславля, который будто основан на месте известного единоборства при Владимире Святом. Это не более как неудачная попытка осмыслить название города, вроде мифа о Кие, основателе Киева. Составитель свода не обратил внимания на то, что город Переяславль уже упомянут им в договоре Олега с греками. Это несообразность, бросающаяся в глаза; но другие несообразности, менее яркие, еще легче ускользали от наших старинных книжников. Например, могли ли они заметить следующую тонкость? В сказании о призвании князей говорится, что от этих князей новгородцы стали называться Русская земля, а между тем и в дальнейших известиях ясно, что именно новгородцы-то и не называли себя русью, а называли так обитателей Приднепровья.

ных славянских народов от трех братьев: Леха, Чеха и Руса. В нашей летописи, в параллель с Рюриком, Синеусом и Трувором на севере, являются три брата на юге: Кий, Щек и Хорив. Наша легенда о призвании трех варягов для водворения порядка сходна с ирландским преданием о призвании трех братьев с востока (Амелав, Ситарак и Ивор) для заведения торговли. Что легенда о трех варягах установилась не вдруг и подвергалась также вариантам и украшениям, доказывают ее позднейшие редакции с прибавлением Гостомысла, колебание, по разным спискам, между Ладогой и Новгородом, и пр. Самая неопределенность выражения: призвали «из-за моря» – есть также обычная черта подобных мифов, почти то же, что наше сказочное «из-за тридевять земель». Если бы это был исторический факт, то могло бы сохраниться в памяти народной более определенное указание на местность, из которой призвали князей. Впрочем, напрасно Байер считается родоначальником Норманнской теории; эта теория в общих чертах уже существовала в древней России, то есть под морем тут преимущественно разумелось море Варяжское, или Балтийское. Так, в 1611 году из Новгорода отправлены были послы к шведскому королю Карлу IX просить в государи его сына; для чего приводилось следующее основание: «А прежние государи наши и корень их царский от их же варяжского княжения, от Рюрика и до великого государя Федора Ивановича был». Однако и в древней России мнение о призвании князей из Скандинавии далеко не было исключительным. Напомним известные слова Степенной книги о том, что Рюрик с братьями пришли из Прусской земли и что они были потомки Прусса, брата Октавия Августа. Воскресенская летопись также выводит их из Прусской земли.

Польский историк Длугош, писавший во второй половине XV века, но имевший под руками более древних русских летописцев, в своих известиях о руси распространяется о Кие, Щеке и Хориве и только мимоходом упоминает о выборе трех братьев-варягов некоторыми *рускими* племенами. Он выражается о пришествии князей вообще «из варяг»; но не говорит, будто русь была варяги и пришла с князьями; напротив, он говорит о руси как о народе туземном и стародавнем в России; приводит мнение о его происхождении от мифического Руса; но прибавляет, что мнения писателей об этом предмете очень разнообразны и что это разнообразие «более затемняет, чем выясняет истину». Стрыйковский также ничего не знает о пришествии руси из Скандинавии; он ведет русь от роксалан, или роксан; а о варягах замечает, что мнения об их отечестве различны и что русские хроники не дают на этот счет никакого объяснения. Все это показывает, какая путаница была в наших летописях по вопросу о начале Руси, прежде нежели возобладало представление о пришествии небывалого народа варяго-русов из-за моря.

Сказание о новгородском посольстве к варяжским князьям находится в непосредственной внутренней связи с одним из последующих эпизодов, именно с посольством новгородцев к Святославу, у которого они просили себе князя. К своей просьбе, как известно, они присоединили угрозу: «Если из вас никто не пойдет к нам, то мы найдем себе князя (в другом месте)». Можно ли принимать на веру подобный рассказ, который противоречит зависимому отношению Новгорода к великому князю Киевскому? А что Новгород находился тогда в зависимости от киевского князя, в этом убеждают все положительные факты. Константин Багрянородный замечает, что сам Святослав при жизни отца был князем Новгородским; он упоминает Новгород в числе других городов, зависимых от Киева, и нисколько не указывает на его самостоятельное положение. В Новгороде киевские князья в течение всего X века содержали варяжский гарнизон, и это может только намекать на не совсем покорные отношения к ним со стороны новгородцев. Гораздо естественнее предположить, что упомянутый рассказ о посольстве к Святославу сложился в позднейшую эпоху: он скорее выражает характер отношений Новгорода к великим князьям в то время, когда новгородцы уже добились некоторой самостоятельности, кичились своим вечевым бытом и действительно *призывали* к себе то того, то другого князя.

Отсюда мы позволяем себе предположить, что и самая легенда о посольстве славянских (то есть новгородских) послов за море и о призвании варяжских князей, эта легенда, выводившая начало Русского государства из Новгорода, имеет отпечаток новгородский. Вероятно, настоящий свой вид она получила не ранее второй половины XII или первой XIII века, когда Новгород достигает значительного развития своих сил. Это было время живых, деятельных сношений с Готландом (с городом Висби), германскими и скандинавскими побережьями Балтийского моря. А с XIII века по преимуществу сюда устремлено было внимание Северной Руси, и только с этой стороны свободно достигал до нас свет европейской цивилизации; между тем Южная Русь была разорена и подавлена тучею азиатских варваров. Уже с появлением половцев, то есть со второй половины XI века, русские постепенно были оттесняемы от побережий Черного моря и торговые сношения с Византией все более и более затруднялись. А когда нагрянула татарская орда, эти сношения прекратились. Нить преданий о связи Руси с Черным морем порвалась; между прочим заглохли и самые воспоминания о русских походах на Каспийское море, и мы ничего не знали бы о них, если бы не известия арабов. Предание о трех братьях Кие, Щеке и Хориве есть не что иное, как та же попытка ответить на вопрос: откуда пошло Русское государство? Эта попытка, конечно, южнорусского, киевского происхождения. Киевское предание не знает пришлых князей; оно говорит только о своих туземных и связывает их память с Византией и с болгарами дунайскими. Это предание оттеснили на задний план и не дали ему ходу сводчики летописей и писатели, которые на передний план выдвинули легенду о призвании варяжских князей. А *призвание князей* в их время было обычным делом в Великом Новгороде, и этот мотив легко мог окрасить его предания. Замечательно, что и впоследствии, в начале XVII века, как мы видели, на призвание князей ссылаются именно новгородцы.

Мы упомянули о наемном варяжском гарнизоне в Новгороде. Начало этого гарнизона можно отнести к концу IX или к началу X века. По словам нашей летописи, Олег установил, чтобы Новгород давал *дань* варягам по 300 гривен в год *мира деля*; что действительно они и получали до смерти Ярослава. Это известие, конечно, не легенда и принадлежит к отделу наиболее достоверных источников летописного свода. Его можно понимать только в том смысле, что новгородцы платили по 300 гривен на содержание у себя варяжского гарнизона. Тем не менее выражения «дань даяти» и «мира деля» могли быть перетолкованы в смысле какой-то зависимости от варягов и повлияли на составление басни о когда-то платимой варягам дани, об их изгнании, потом об их призвании и пр. К этому недоразумению могли примешаться воспоминания о действительных нападениях варягов на новгородские пределы и о действительных посылках к варягам для найма войска¹⁸.

Если мы обратимся ко всем уцелевшим памятникам русской словесности дотатарского периода, то нас поразит следующее явление. Нигде в этих памятниках нет почти никакого намека на призвание варяжских князей. А между тем поводы к тому были нередки. Возьмем хоть столь известное «Слово о полку Игореве». Оно не раз вспоминает о старых временах и о старых русских князьях, даже о веках Траяна; но о варяжских князьях нет и помину. Некоторые обстоятельства автору «Слова» известны были лучше, чем летописцам; у него есть имена князей, каких нет и в летописях. Вообще отношения Руси к югу у него рисуются яснее и обстоятельнее, чем у летописцев. Так, Тмутаракань является у последних только мимоходом и исчезает в тумане; конечно, вследствие того, что летописный свод составлен тогда, когда связи с югом были уже почти порваны. Но «Слово о полку Игореве» хотя относится к концу XII века, однако в нем живо еще представление о Тмутаракани как о части

¹⁸ Новгород, как известно, находился в подчиненных отношениях к Киеву, но издавна стремился к самостоятельности. Не лишено значения и то обстоятельство, что в дотатарскую эпоху новгородец не следовал примеру других подчиненных руси племен и не старался усвоить себе имя русина; но продолжал именовать себя словенином. Новгород когда-то мог питать к киевскому господству чувства если не те же, то подобные тем, которые он питал впоследствии к московскому.

Русской земли, но отрезанной от нее Половецкою ордою. И не только о Тмутаракани, поэт говорит и о готских девах, которые на берегу Синего моря поют песни, звеня русским золотом. Тут, конечно, идет речь о Готском, или южном, берегу Крыма; о чем нет и помину в наших летописях. Самый поход Игоря и Всеволода, как видно из «Слова», был предпринят с целью: «поискати града Тьмутороканя». Возьмем еще, для примера, сочинение митрополита Илариона: «Похвала кагану нашему Владимиру». Здесь представлялся удобный случай упомянуть о предках этого князя, и действительно, Иларион называет его сыном Святослава и внуком «старого» Игоря; говорит, что их победы и храбрость воспоминаются доньше; но далее Игоря он нейдет. «Слово Даниила Заточника» и «Сказание о Борисе и Глебе» также приводят имена Святослава и Игоря. Замечательно это как бы систематическое умолчание о призвании Рюрика и необычайных завоеваниях Олега во всех тех памятниках, которые, несомненно, древнее летописного свода. Могло ли это все быть случайно? Замечательно, что и летописные источники, относящиеся, несомненно, к эпохе дотатарской, в этом случае совпадают с остальными памятниками той же эпохи. Приведенный нами выше хронологический перечень останавливается на смерти Святополка; отсюда мы можем заключить, что он написан при Владимире Мономахе, то есть в первой половине XII века; известно, что Рюрика здесь нет.

До какой степени в летописном своде отразилось неведение южных событий и южных отношений, это видно на болгарях. Как известно, мы приписываем, и совершенно основательно, болгарам весьма видную роль в истории нашей письменности и нашего христианства. Напомним договоры Олега и Игоря, которые, по мнению норманистов, дошли до нас в болгарском переводе.

Между русью и болгарями, очевидно, были деятельные сношения. А между тем летописи наши чрезвычайно мало говорят о связях с болгарями; они знают о них почти не более того, сколько могли почерпнуть в известиях византийских. Иногда они как бы смешивают дунайских болгар с камскими. Точно так же летопись не дает ответа на вопрос о наших отношениях к Корсуню, который при Владимире Святом как бы вдруг получает для нас такое великое значение. В непосредственную связь с этими отношениями к Корсуню мы должны поставить исконное существование Руси Приазовской, той Руси, которая в нашей летописи потом внезапно, почти без всяких предварительных указаний, является в виде особого Тмутараканского княжества.

VI. Русь Азовско-Черноморская. Параллельные легенды о призвании других народов

Тмутараканское княжество упоминается тогда, когда оно получило князей из дома Рюриковичей, то есть вошло в состав общей, объединенной Руси. Но ничто не доказывает, чтобы это была собственно колония днепровских руссов и тем менее руссов скандинавских. Иначе мы не уясним себе многого в нашей начальной истории и в особенности не поймем арабских известий.

Существование Азовской, или Таманской, Руси объясняет нам упоминаемые арабами походы руссов на Волгу и в Каспийское море в 913 и 944 годах – походы, наделавшие много шума на Востоке, но о которых русская летопись ровно ничего не знает. Эти походы естественнее всего приписать Руси Тмутараканской, а не Киевской (а тем менее Скандинавской). Укажу еще на известие Истахри, повторенное у Ибн-Хаукала, о том, что Русь состоит из трех племен: первое, царь которого живет в городе Куяба; второе, называемое Славия, и третье Артания, царь которого живет в городе Арте. Куяба, или Кутаба, – это, конечно, Киев; под именем Славии с достоверностью разумеют Новгородскую землю; но Артания ставит толкователей в большое затруднение. Некоторые ориенталисты пытались выпутаться из него с помощью мордовского племени эрза, или эрзяне, и город Арта оказывался не что иное, как Арзамас (Френ). Другие пытались из Артании сделать Биарманию, или Биармию (Рено). А между тем арабские географы постоянно помещают руссов между Хазарией и Румом (Византией); чему совершенно не соответствует северная полоса России. В данном случае Истахри прямо говорит, что Арта находится между Хазаром и Дунайским Болгаром. Мы думаем, что нет нужды отыскивать особое русское племя в глубине мордовских лесов или на далеком Севере, и предлагаем третью догадку, а именно: Арта и Артания суть греческая Таматарха, русскую Тмутаракань. Это место арабских источников будет для нас тем замечательнее, что тут ясно разделяется Русь Киевская от Руси Черноморской и Северной, тогда как во многих других случаях у арабов Русь Днепровская и Черноморская, очевидно, смешиваются и тем затрудняется понимание текста. Точно так же у них смешиваются иногда в одну две Болгарии, Волжская и Дунайская, отчего также происходит немалая путаница. Тмутаракань объяснит нам и упоминаемый арабами какой-то остров, обитаемый русью, окруженный озером, покрытый лесами и болотами, нездоровый и сырой (Ибн-Даста и Мукадеси). Много было догадок насчет этого непонятного острова: его толковали и Данией, и Скандинавией, и какими-то волжскими островами, и, наконец, просто считали его выдумкою. Нам кажется, что вопрос будет ближе к решению, если мы под этим болотистым нездоровым островом признаем Тамань. (Может быть, тогда объяснится и «остров Русия», упоминаемый у Истахри.) Тмутараканская русь может объяснить и те известия у арабов, где ставится русь отдельно от Куябы (например, у Ибн Фадлана говорится о привозе разных вещей в Хазарию из Руси, Булгара и Куябы). Вообще, арабы ближе были знакомы, собственно, с азовско-черноморскою русью, нежели с какою-либо другою.

Под этой Черноморской Русью я, однако, не разумею одну только Тмутаракань. Пределы самого Тмутараканского княжества нам в точности неизвестны. Знаем только, что средоточием его был остров Тамань с соседнею частью Крыма и восточного Азовского побережья; его северное и западное побережья, по всей вероятности, также принадлежали этому княжеству. Мы видим, что устья Дона в те времена были в руках руси; отсюда они переходили со своими лодками на Волгу и плавали в Каспийское море; поэтому арабы даже полагали на месте Нижнего Дона какой-то рукав, которым Азовское море соединялось с Волгою. К черноморской руси, я думаю, следует отнести и племя тиверцев или тиревцев. Замечательно, что в нашем летописном своде название этого племени промелькнуло раза два или

три и потом исчезло без следа. Между тем у византийцев тиверцы не встречаются; но у них есть тавроскифы, и мы позволяем себе отождествить эти два названия¹⁹. В Начальной нашей летописи при исчислении племен, населявших Россию, именно говорится об угличах и тиверцах, что они простирались до Дуная, но главным образом сидели по Днестру до самого моря; что грады их (существуют) до сего дня и что страна их называлась греками «Великая Скифия». Название тиверцев, или тавроскифов, как название самого южного русского племени, то есть самого ближайшего к грекам, легко могло переходить у них из видового в родовое, то есть этим племенем они иногда обозначали всех руссов. Во всяком случае, вопрос о Черноморской Руси стоит на гораздо более твердой почве, нежели вопрос о Руси Скандинавской. В настоящей статье мы только желаем обратить внимание на те стороны, откуда можно ожидать разъяснения нашей древнейшей истории. Более точные и подробные выводы должны быть впереди; для них слишком мало нескольких одиночных усилий. Норманнская школа более ста лет работала над вопросом, где, собственно, была родина норманнской руси, и не могла прийти ни к какому положительному выводу, так что в последнее время нам предстоит еще теория о приходе руси с острова Даго (см.: Зап. Академии наук. Т. VI. Кн. I. Приложения). Но возвратимся к Руси Тмутараканской.

Эта Русь может разъяснить нам отношения к Корсуню. Если б она была не более как нормано-русская колония, основанная во времена Святослава или Владимира Святого, то каким образом киевские князья могли удерживать за собой такое далекое владение, отрезанное от Киевской Руси степями и кочевыми народами? Надобно было держать в покорности туземное население и в то же время защищаться от хазар, печенегов и греков; для этого требовались сильный гарнизон и постоянные подкрепления из Киева. Между тем, наоборот, уже сын Владимира Святого Мстислав Тмутараканский является таким могущественным князем, который громит соседние народы, одолевает своего старшего брата Ярослава Киевского и захватывает себе все русские области на востоке от Днепра. По всей вероятности, до прихода печенегов и половцев пределы Тмутараканского княжества на севере почти сходились с пределами Чернигово-Северской земли, и тогда понятны будут их связи, о которых еще живо помнит автор «Слова о полку Игореве». В то же время на юге, в восточной части Крыма, пределы Тмутараканской Руси сталкивались с византийскими владениями. Напомним отрывок (помещенный в издании Льва Диакона) из донесения неизвестного по имени греческого начальника в Крыму о его войне с каким-то варварским народом. Предводитель этого народа, напавший на греков, владеет страной к северу от Дуная; между тем обитатели соседней крымской области, как свидетельствует письмо, суть единомышленники этого варварского народа. Нельзя не узнать здесь Руси; а под князем тут можно подразумевать Игоря, или Святослава, или Владимира. Эти сближения проливают свет на темные доселе слова Игоревы договора: «А о Корсунстей стране, елико же есть городов в той части, да не имать волости князь Русский, да (не) воюет на тех странах, и та страна не покоряется вам». Там же, ниже, ставится Руси в условие не пускать черных болгар воевать Корсунскую страну и не грабить греческие суда, выброшенные на берег. Все эти условия возможны были только при существовании Руси у самого Черного моря и вполне согласуются с арабскими известиями о русском приморском народе. Тогда не покажется странным и известие Льва Диакона о том, что Игорь после своего поражения греками воротился не в Киев, а в Киммерийский Боспор, и

¹⁹ Эти тавроскифы суть видоизменение более древнего названия греческого тиригеты или тырангиты, то есть обитатели берегов реки Тыра. Тыр, Тур и Таур или Тавр суть разные произношения одного и того же слова. Точно так же *гиты*, *геты*, *готы* и *гуты* суть видоизменение корня *гит*, которое мы сближаем с кыт (в названии скифы). Звук *г*, как известно, легко переходит в *к*; а букву *с* считаем приставочною в слове *скиты*. Что у греков *скиты* могло быть видоизменением слова *геты* или *гиты* с приставкою *с* по эолийскому произношению, было высказано еще Салмазием, лейденским профессором в XVII веке (см.: *Sulpicius Severus Saciae historiae*, 310). А что тиверцы есть видоизменение слова *тиревы*, указано Шафариком. Тут перестановка звуков такая же, как в названиях *ятвяг* и *явтяг*, *северы* или *севры* и *серевы* или *сервы* (*сербы*).

вообще более понятными для нас сделаются морские предприятия руссов против Византии. В договоре Цимисхия со Святославом опять русский князь обязуется не нападать на область Корсунскую. Ясно, что эта область соседила с Русью и что последняя пыталась завоевать ее. И действительно, опасения византийцев сбылись: при Владимире Корсунь была завоевана Русью. Мы видим в этом завоевании не какое-то случайное, отрывочное предприятие киевского князя. Нет, это было следствие давних и притом соседственных отношений. В связи с этими отношениями должно находиться и известное сказание о нападении руссов на Сурож (в житии Стефана Сурожского).

Обратим внимание на интересный рассказ Константина Багрянородного о продолжительной борьбе между боспорянами и херсонитами. Во главе боспорян стояла династия савроматов. Очевидно, сарматы, завладевшие древним Боспорским царством, стремились завладеть и последним оплотом эллинизма в Крыму, то есть Херсонесом Таврическим. Всматриваясь ближе в отношения Таманской Руси к Корсуню, нельзя не прийти к тому заключению, что их враждебные отношения суть продолжение той же борьбы, о которой рассказывает Константин Багрянородный. А если мы возьмем во внимание, что к сарматским народам древние писатели относили племя роксолан (то есть руссов), что роксоланы еще в I веке до Р. Х. встречаются около Азовского моря, где они воевали с Митридатом Понтийским, тогда нам не нужно будет выводить из Скандинавии русскую колонию на берега Азовского и Черного морей.

Повторяем, при существовании Азовской и Черноморской Руси нам понятны будут отдаленные походы руссов на восток, в Каспийское море и в Прикавказские страны, — походы, совершавшиеся в числе нескольких десятков тысяч. Мы думаем, что и та торговая колония руссов в Итиле, о которой упоминают арабы, принадлежала азовским, а не днепровским руссам. Наконец, только существование Азовско-Черноморской Руси объяснит нам, почему вообще Русь в начале нашей истории является народом преимущественно мореходным. Морские походы киевских руссов совершались, конечно, с помощью их приморских родичей. Замечательно, что прекращение этих походов совпадает с появлением половцев, которые постепенно отрезали Киевскую Русь от ее приморских соплеменников; между тем торговые караваны продолжали еще ходить из Днепра в Византию и обратно.

Когда составлялся наш летописный свод, Черноморская Русь приходила уже в забвение; поэтому весьма могло быть, что в рассказах о первых князьях она смешивалась с Киевскою Русью. Особенно это можно сказать относительно эпизода об Аскольде и Дире. Этот летописный эпизод весьма сомнительного свойства. Во-первых, что означают тут два имени, столь тесно связанные и всегда неразлучные? Во-вторых, византийцы не называют предводителей Руси, напавшей на Константинополь в 865 году; затем они рассказывают об обращении этих руссов, об их посольстве в Рим и Константинополь по вопросу о вере, о чуде с Евангелием; причем говорят постоянно об одном князе, а не о двух. Наши летописи рассказ о нападении на Константинополь в 865 году почти буквально взяли из византийских хронографов, но присоединили к нему Аскольда и Дира. Очень могло быть, что названия каких-либо киевских урочищ, вроде Аскольдова могила и Дирова могила, могли послужить основанием к сказанию об этих двух витязях, то есть подобно тому, как названия Киев, Хоревница и Щековица послужили основой для легенды о трех братьях, когда-то княживших между полянами. Составитель летописного свода связал Аскольда и Дира с легендой о призвании варягов и о переходе их из Новгорода в Киев. Замечательно, что другого действительно исторического лица с именем Аскольд русская история не знает, так же как она не знает ни Щека, ни Хорива. Рассказы о посольстве нескольких мужей для испытания обряда наши летописцы относят к тому князю, который окончательно утвердил христианство в Киеве, то есть к Владимиру; между тем как восточный обряд еще прежде Киева мог утвердиться между азовско-черноморскими руссами, в особенности по соседству с Корсу-

нем. Что касается пришествия Олега из Новгорода в Киев, то если бы и действительно он княжил сначала в Новгороде, это несколько не доказывает его норманство. Он мог быть сначала удельным князем Новгородским и потом перейти на киевский стол, как это повторилось со Святославом, Владимиром и Ярославом. Он мог оружием или хитростью захватить киевский стол, чему бывали и другие примеры. Все это могло быть без всякого призвания князей из Скандинавии. Замечательно, что Длугош, имевший под руками старые русские летописи, ничего не знает о пришествии Аскольда и Дира из Скандинавии; напротив, он говорит о них как о потомках Кия. То же самое и Стрыйковский, который Аскольда называет *Осколод*. Никоновская летопись и Степенная книга также не говорят о пришествии Аскольда и Дира с Севера. Известно их выражение по поводу нападения Аскольда на Константинополь: «С ними же бяху роди нарицаемии Руси, иже и Кумани, живяху в Евксинопонте». Конечно, это своды позднейшие; но вопрос заключается в их источниках (см. «Обзор хронографов русской редакции» А. Попова).

В числе тех легенд, которыми украшено начало нашей летописи, обратим внимание на первое столкновение полян с хазарами. Поляне дают им по мечу с дыма. Эти обоюдоострые мечи совершенно согласуются с мечами руссов по описанию Ибн-Фаддана. Может быть, и самая летописная сага возникла для указания на это различие русского меча и хазарской сабли. Хазары наложили на полян, северян и вятичей дань по беле и веверице с дыма. По некоторым спискам, почти ту же дань платили варягам северные славяне. Мы позволим себе сблизить эти известия с тем местом «Слова о полку Игореве», где говорится, что во время княжеских междоусобиц «погании (половцы) сами победами нарицуще на Русскую землю, емляху дань по беле от двора». (А может быть, тут под погаными разумеется Литва, а не половцы?) Но для нас замечательно такое почти буквальное совпадение даней хазарской, варяжской и половецкой. Могло быть, что воспоминание о последней, то есть о половецкой (или литовской), дани перенеслось в летописном своде на хазар и варягов. Мы сомневаемся, чтобы хазары в IX веке владели Приднестровьем. Из слов летописи видно, что известие о хазарской дани относится к тому времени, когда, наоборот, хазары находились в подчинении у руссов («володеют козарами русские и до днешнего дне»). И что это за земля? Если летопись составила в начале XII века, то какими хазарами русские тогда владели? А против кого Хазарский хаган укреплял свои границы на западе и с помощью византийцев построил на Дону Саркел в первой половине IX века? Мы думаем столько же против печенегов, сколько и против руссов. Но эта твердыня, по-видимому, мало оказала помощи; известны последующие походы руссов на востоке сквозь Хазарскую землю и разорение Саркела руссами²⁰.

²⁰ Эти строки были написаны в 1871 году. Последующие мои исследования не только подтвердили тождество третьей группы руссов у арабских писателей с Русью Тмутараканскою; но и обнаружили присутствие в том краю славянских болгар, бывших уже отчасти христианами, а также уяснили для меня их отношения к хазарам и народность последних. Русь владела хазарскими поселениями на Тамани и Тмутаракани до конца XI века (см. ниже: «О славянском происхождении дунайских болгар» и «Русь и болгары на Азовском поморье»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.